

РОЖДЕННЫЕ В СССР

ПРОРЫВ

АЛЕКСЕЙ КОРУД

Алесь Коруд

Рожденные в СССР. Прорыв

«Автор»

2026

Коруд А.

Рожденные в СССР. Прорыв / А. Коруд — «Автор», 2026

Приквел к известному циклу "Рожденные в СССР". О первых людях из будущего, что попали в Советский Союз начала семидесятых и начали менять ход истории. Один из них Семен Ракитин, ветеран чеченской войны, бывший криминальный журналист и преподаватель истории. Эта гремучая смесь помогла ему обрести в новой действительности союзников, найти верных товарищей и обрести цель - Спасение СССР любой ценой

© Коруд А., 2026

© Автор, 2026

Алесь Коруд

Рожденные в СССР. Прорыв

1. Трансфер Петербург-Ленинград

Нам неведомо наше будущее, как и зачастую непонятно прошлое. Ты смело строишь планы на жизнь, но неведомые мельницы уже машут своими лопастями, запуская в застоявшиеся миры ветра перемен. Кого и каким образом они коснутся, неведомо и самим мельницам. И есть ли в этом некий тайный смысл неизвестно вообще никому из сейчас живущих. Ни силам, решившим поиграть в бога. Ни тем более людям, не знающим ни себя, ни собственной судьбы. Вы точно ведаете собственную участь?

Семен Степанович Ракитин вышел из дверей института Истории и социальных наук на улицу и удовлетворенно выдохнул. Перед ним на набережной были одна к другой припаркованы автомобили, несла свои воды к Неве Мойка, слева отдавал бордовым Красный мост. Он с жадностью вдохнул пусть и мозгловатый, но все же относительно свежий воздух Северной столицы. Последняя пара сегодня заканчивалась в полдень, и свободным оказался целый день. После недавней ковидной удаленки поначалу было сложно войти в привычный рабочий ритм. Коллеги препода постоянно шутили по этому поводу. Многим понравилось вести занятия без присутствия шумных и наглых студюзов. Но все хорошее в этой жизни рано или поздно заканчивается.

Семен улыбнулся и решил пройти пешком до Гостинки. Ехать ему до Петроградской, а там прямая линия, всего две остановки. Когда торопился, то шел до недалекой Адмиралтейской станции. Но сейчас хотелось продышаться. Пусть питерский апрель не особо радует, но это уже все-таки не зима. Да и для здоровья полезней много ходить. Ведь дома он заново окунется в работу. Семену стало неволью смешно. Уйти пораньше с работы, что заняться второй. Но что поделаешь, таковы условия чертова рынка. За машину сын надо платить, да и на лето откладывать. А на заработок препода, пусть и с прибавками много не навоюешь.

Хорошо хоть повезло со сложившимся коллективом. Ни старых озабоченных близкой пенсией кошелок, ни молодых вертихвосток, любящих подсживать коллегу по поводу и без. Семену стало немного грустно.

Потому предложение однокашника, дослужившегося до декана факультета, Ракитин и принял благосклонно. Он уже мужчина, Глава семьи, пусть и второй. Хватит тратить время на пустяки и поиском правды в журналистике! Стезя криминального репортера осталась в далеком прошлом. Но с преподаванием журналистики как-то не задалось, так что он ушел на соседнюю кафедру российской истории. Благо знал её хорошо, пусть и своеобразно.

Степан остановился передохнуть, прислонившись к колоннам Парадных ворот. Совсем что-то ты себя запустил, ветеран. А ведь тебе еще и пятидесяти нет! Нет, надо собраться, как раньше и заняться собой всерьез. Сколько можно работать копирайтером за гроши! Взяться, что ли за старое? Писать злободневные политические статьи? Его перо все такое же бойкое, даже более очерченное. Ведь остались же связи из прошлого. Бандиты стали уважаемыми бизнесменами, кое-кто и политиком. Раньше Семен бы рядом с ними и срать на одном поле не сел. Но ветеран первой чеченской давно засунул собственную гордость куда подальше. Чуть не потеряв близких, мы начинаем смотреть на мир иначе.

Проклятый осенний вечер!

Ракитин вздрогнул и отогнал неприятное воспоминание. Черт возьми, как давно это было! Все то прошлое сплелось со временем в одно черное пятно. И бандитское нападение на его семью, и та смертоносная ночь в январском Грозном. Семен перешел дорожное полотно и остановился у ограды, вглядываясь в темные воды Мойки. А ведь он никому об этом не рассказывал. Людям, не побывавшим на краю такое неинтересно, да и непонятно. Большинству просто наплевать.

Он вспомнил, с каким охрением рассматривал весной девяносто пятого такой до боли родной город. Яркие вывески, шумные ночные клубы, толпы неформалов всех мастей на Невском. Как будто в их стране на русском Юге не погибали в смертном ужасе совсем молодые парнишки. И повсюду ему встречались гнусные бандитские рожи, в те проклятые годы, буквально схватившие за горло город трех революций. Хозяева новой жизни!

Как ни странно, но нахождение на свежем воздухе Семену не помогало. Дышать становилось все тяжелей и тяжелей. Мужчина кое-как доковылял до Зеленого моста и двинулся в сторону метро Адмиралтейское. Оно ближе. Надо ехать домой, отлежаться. Пересядет с Садовой на свою линию, всего один перегон. Для Питера редкий случай, когда работа не так далеко от дома. Некоторые его коллеги добирались до института по полтора часа сряду, а то и больше. Человейники выстраивали на краю мегаполиса.

Вот тебе и зимнее сидячее времяпровождение! Жеваный крот! С каждым шагом тело Степана наливалось тяжестью. На ногах будто повисли тяжеловесные гири, движение давалось с невероятным трудом, а в голове помутилось. Впечатление, что как будто он проходил через некую упругую волну воздуха. Что же это такое? Ракитин оперся на перила моста и постарался разглядеть воду в канале. В глазах потемнело, заплясали чертики, а грудь придавило чем-то невероятно тяжелым. Да что за...

Ракитин даже крикнуть о помощи не мог. Чья-то когтистая лапа схватила его прямо сердце. Эхо войны. Оно догнало его! Серая Питерская мгла резко потемнела, как будто на глаза надели солнцезащитные очки. Но, как ни странно, не было страшно. Казалось, что душа знала, куда её влечет, и принимала собственную участь спокойно. Ужасалось от кончины лишь брэнное тело. Да и было ли она – смерть? Враз стало легче дышать, а ноги только что сами не побежали вперед. Свет брызнул в потухающее зрение Ракитина, пришлось даже закрыть глаза от его яркости. Мозг по привычке цинично анализировал только что произошедшее.

«Интересный приступ. Повод обратиться к врачам?»

Семен открыл глаза и на автомате приблизился к стене здания. Нужно опереться на что-то и малость передохнуть. Хотя зачем отдыхать? Дышится легко, ощущает он себя прекрасно. Давно не чувствовал подобную лёгкость. Как будто скинул лет двадцать, ну или килограмм. Мужчина сделал пару шагов вперед, но внезапно ощутил некоторую неловкость. Что такое? Ощущение, как будто штаны стали на пару размеров больше. Неудобно-то как! Глядишь еще и свалятся. Ракитин развернулся обратно к стене и быстро подтянул ремень. А ведь пиджак и куртка также болтаются на нем! Затем он почувствовал. Нет, не так - Почувствовал!

Эпический сюжет! Что-то изменилось. Изменилось в нем и в окружающем его мире. Резко повернувшись к улице, Семен чуть не упал от неожиданности. Он же переходил Мойку, а как тогда оказался так быстро напротив поворота на Дворцовую площадь? Потерял сознание и на автомате дошел сюда? Его перетасили? Да ну! И все вокруг какое-то иное. Точно, другое! Солнце светит ярче, люди идут, машины по проспекту едут. Но и люди не те, и автомобили. Да что же это такое?

Резкий сигнал идущего неподалеку трамвая заставил вжать голову. С Адмиралтейского двухвагонный рельсовый транспорт со скрежетом поворачивал в сторону Дворцового моста. Да как это может быть? Он тут уже столько лет не ходит! Автомобили. Поток не такой плотный

и машины все какие-то архаичные. Как в старой кинохронике. Кино снимается, что ли? А где тогда ограждение от посторонних, да и сама съёмочная группа?

Семену снова стало плохо. Все вокруг как будто не то, неправильное. Через мгновение он к огромному удивлению понял - не его времени! Один из признаков - светит солнце. Неярко, сквозь обычную для Питера хмарь. Но достаточно согревает, чтобы понять, что ему становится жарко в куртке. Да и народ одет полегче. Люди! Они совсем иные. На мужчинах преобладает одежда темных тонов, чаще всего одеты в костюмы или просто на плечи брошены пиджаки. Он в своей яркой ветровке смотрится на их фоне особенно чужеродно.

В таком большом городе, как Санкт-Петербург обычно ты никому не интересен, но на Ракитина то и дело бросали любопытные взгляды. Он тут же под каким-то наитием снял ветровку. Строгий пиджак преподавателя позволял не выделяться из этой в целом серой толпы. Хотя нет, он не прав. Многие из женщин как раз наряжены броско и фактурно. Это же Северная столица! Тут всегда умели одеваться.

И лица, совсем иные лица! Они не обращены в себя, не натягивают на личину обязательный похерфейс, их глаза широко распахнуты миру. Как будто солнце светит не только снаружи, но и бьет изнутри. Вот прошла группа модниц в блузках и расклешенных брюках, а с ними молодые люди в цветастых рубашках и джинсах. Толпа около Дворцовой площади мерно перетекала дальше. Лето, в городе много туристов и приезжих.

Ипатьевско-Колотитьевская летописсссь! О чем он думает!? Какой трамвай, какие клещи? Семен проводил взглядом автомобиль неизвестной ему модификации. Что-то из пятидесятых. Затем его всего пробил холодный пот. Кто эти люди? Где он? Прошибло сознанием, что это все-таки смерть, и мозг может выдавать за предельно короткое время тонны ярких картинок. Эдакое растянутое на виртуальные годы сновидение. А на самом деле мозгу осталось жить пара минут. Затем наступит вечная тьма. Но тогда тем более, какая ему разница? Смерть уже пришла. Точно, инфаркт. Все признаки налицо. Хотя как раз на сердце он никогда не жаловался. Оторвался тромб, аневризма аорты? Опухоль в мозге?

На том свете все равно. Так это он и есть, тот самый свет. Ага, в Петербурге! Мозги сворачиваются! Затем пришел через привычному до предела циничному анализу. Допустим, это последние конвульсии умирающего сознания. Они, вообще, в этой реальности могут быть вечностью. Настоящее физическое время неважно. Сколько длится так называемый быстрый сон? По сравнению со всем периодом, когда человек спит, не очень много. А сновидения помнятся как весьма длинные. Ты можешь во сне несколько дней проживать. Чтобы такую фактуру набрать, нужна уйма часов. И где их берет наш мозг? Вопрос без ответа.

Есть еще как вариант – нахождение под медикаментами. Или помешательство. Тогда он внутри себя себе же ничем не поможет. Внезапно где-то на границе сознания Ракитин уловил нечто интересное. Точно! Вон тот мужик в шоферской тужурке кинул в урну свернутую газету. И как он ходит в коже в такую жару! По спине Семена уже текло. Или это нервы? Два шага в сторону. Ему неважно, как на него посмотрят. В большом городе всем все равно. Газета свежая. Еще пахнет типографской краской. Кому как не умудренному опытом журналисту это не знать. Бумага, правда, странная. На вид больно дешевая. Как можно на таком печатать?!

Руки внезапно затряслись, когда он развернул газету и впился глазами в заголовок. «Советский спорт». Он еще существует? Так, подожди. Такой архаичной подачи информации Ракитин не видел уже давно. Затем его взор уперся в несколько цифр. 4 июня 1973 года, понедельник. Что это? Розыгрыш или дата текущего для сновидения времени. Зачем мозг преподнес ему напоследок подобный сюрприз? И главное – откуда такие подробности? Он ведь почти

ничего не знает о начале семидесятых. Его детство прошло несколько позже. Да он еще и не родился!

В глазах снова потемнело. Семен даже не понял, как перешел Адмиралтейский проспект с гуляющей толпой и вышел на дорожку Александровского сада. Ночь, та проклятая осенняя ночь будет преследовать его и после смерти. Снова перед глазами лежащее на сыром асфальте тело сына. Бандиты должны были напугать его одиночным выстрелом. Но браток пальнул очередью. В ушах до сих пор пробкой застыл крик Насти, его первой жены. Димку врачи откачали, пуля прошла вскользь. Но он все равно потерял сына. Развод, эмиграция. Так часто бывало. Сам виноват.

Затем небо упало буквально ему на голову. Как тогда в январе девяносто четвертого. Он уже готовился к дембелю, когда их сборную солянку из различных подразделений срочно ввели в независимую Ичкерия, а затем бросили умирать в страшный зимний Грозный. Первым вошедшим в этот проклятый город пацанам не повезло еще больше. Их просто-напросто бросили и забыли. Чечены расстреливали их, как куропаток в тире. И лишь немногие выжили и помогли следующим.

Но самое подлое, что в этот момент вспомнились те проклятые запахи. Нет, не порох, за несколько дней буквально въевшийся в пальцы, не вездесущий запах от сгоревшего тротила. Хуже всего воняло в городе сгоревшими экипажами, что навечно угольками застыли в бронированных машинах. И самый хреновый из «ароматов» войны даже не запах горелого мяса, а вонь, ужасающая вонь выгоревших начисто волос. Его сложно не запомнить.

Ракитин не выдержал, упал прямо на газон и его стошнило. Вышла наружу какая-то вода и слизь. Как будто вовсе и не обедал недавно.

- Парень, ты чего? Плохо тебе?

2. Принятие. 4 июня 1973 года

Семен Ракитин пришел в себя на скамейке.

- Ты как, паря?

- Говорю, дрянь всякую пьют! Совсем молодежь распустилась.

- Да подожди! Глянь на него. Весь бледный, аки плотно льняное. Не жрамши, поди с утра, вот и бухнулся. Парень, ты откуда?

Семен, наконец, смог сфокусировать взгляд и рассмотрел перед собой двух взрослых, даже правильной будет указать, пожилых мужиков. Лица простецкие, такие рабоче-крестьянские, топором рубленые. Но приличные, в пиджаках, а на тех висят орденские планки. Ветераны! Эти могли помочь от всего сердца. Семен начал сбивчиво рассказывать:

- Я с института шел. Потом на Невском очутился...

- Я же говорил, что студент. Переучился, что ли, паря? Ну ты того, осторожней. Отдыхать тоже требуется.

- Да я...

Внезапно до Ракитина дошло, что не могут быть ветераны такими молодыми. Этим дядькам хорошо, если чуть за пятьдесят. Затем сразу вспомнилась дата из найденной газеты. Тогда все сходится. Это в будущем мы привыкли видеть солдат Великой Отечественной древними стариками. А в семидесятых они еще вполне крепкие мужики. Многие занимают начальственные должности. Может, страна потому и достигала постоянно новых успехов, что её двигали именно они?

Мы не меряем Землю шагами,
Понапрасну цветы теребя,
Мы толкаем её сапогами —
От себя, от себя!

А прав был Семеныч, толкали они. Не только землю, но и отчаянно вперед толкали весь Союз. Это им мы обязаны послевоенному взлету страны

Святые ёжики! Так Высоцкий еще жив! – мелькнуло неожиданное озарение. - Подожди, ты уже принял тот факт, что все вокруг настоящее? Внезапно глаз Ракитина зацепился за наградную планку светловолосого ветерана. Голубая планка с тремя вертикальными полосками. Семен некоторое время занимался расследованиями преступлений против ветеранов. В девяностые тех активно грабили ради советских орденов. А эта награда - относительная редкость.

- Медаль Нахимова!

Дядька удивленно возрился на Семена и энергично толкнул товарища.

- Ты смотри! Разбирается! А ты все молодежь не та! Не там ищешь, Кузьма.

- А я что, я ничего, - растерянно ответил мужчина, лицо которого отличалось крупными чертами, а на голове был ладно пристроен синий берет. Ракитин вспомнил, что такие обычно носили моряки. – Паря, держи фляжку. Сразу полегчает

Семен дисциплинированно взял в руку отороченную кожей плоскую флягу и смело хлебнул. Ох, сырые сыроежки, какая крепость! Он тут же закашлялся.

- Ты чего ему дал, Кузьма?

- Так ром. С Кубы привезли. Настоящий. Паря, держи апельсинку.

Ракитин сидел на удобной скамье, жевал апельсиновую дольку и понемногу приходил в себя. Он успел рассмотреть остальные награды ветеранов. У моряка два ордена Славы. Очень, надо признаться, нехилый наборчик. У второго, кроме «Нахимова» лишь медаль «За отвагу». Но её еще заслужить надо, и в настоящем бою. Интересно, где они воевали? Затем как будто кто-то резко одернул его. Ты о чем, вообще, думаешь? Не интервью же берешь. Да и кому они сейчас нужны, солдаты далекой войны? Да нет, в это время как раз и нужны. Востребованы!

«Получается, что ты уже смирился? Ну подумаешь, эпоха другая и ты здесь чужой. Каждый ведь день по времени шляешься!»

Именно этот момент Ракитин с удивлением осознал, что это все вокруг навсегда. И ведь сам как-то прочел несколько подобных романов. Как называют людей, что попали в прошлое? Попаданцами и зовут!

- Смотри, ожил вроде.

- Так молодой ищо. Что ему будет? Вспомни, как на море бывало!

- Бывало всякое, Кузьма.

Слова незнакомых людей тугими каплями падали на мозг Ракитина. Вихри разнообразных мыслей проносились в его голове. Его аналитический ум не поспевал за событиями. Но понемногу формировал собственное мнение по поводу всего творящегося вокруг его личности.

«Почему он тут? И главное – зачем он тут? Как он тут будет жить?»

Уже более осмысленный взгляд в итоге остановился на мужчинах. Они помогут.

- Извини, конечно. И так я вам должен по гроб жизни. Но, кажется, потерял все деньги. Не одолжите пяточок на метро? Сомневаюсь, что доковыляю сам. Оставьте адрес, потом найду и занесу обязательно.

- Да без проблем, парень. Держи!

В ладони оказалась небольшая серебристая монета. Пятиалтынник, то бишь пятнадцать копеек.

- Спасибо. Но это много!

- А на перекладные? В Питере живем. Ты это, паря. Кушай побольше и спортом занимайся. Вон какой худющий! Одежда как мешок болтается.

Кузьмич внимательно глянул на Семена.

- Голова не болит? Может, ты кто стукнул, да обобрал. Вон как шпана разгулялась. Я б её!

- Все нормально. Скорее всего поскользнулся и упал. Спасибо вам огромное!

- Да ничего! Иди к фонтану, умойся и шкрябай до дома. Зовут-то, как хоть помнишь?

- Семеном.

- На кого учишься, Сеня?

- На историка.

- Потому и в медалях разбираешься? Учись хорошо и детишек учи. Чтобы помнили про нас наше житье-бытье.

- Благодарствую!

Семен двинулся вглубь сада и доплелся до фонтана. Безо всякого стеснения поставил сумку-планшет, что так и висела через плечо, на землю и умылся свежей водой. Затем отряхнул колени, отчистил обувь и направился к скамейке, что стояла укромно за кустами. Хотелось все хорошенько обдумать и решить, что делать раньше.

Логика в данной ситуации совершенно не работала. Почему? Да потому что этого не могло быть по определению! Люди не перемещаются в пространстве! Ракитин прочитал в свое время немало фантастики и еще больше убедился в данном утверждении. Все писатели-фантасты просто-напросто использовали этот фантастический фактор для лучшей передачи и раскрытия характеров героев. Все остальное лишь антураж. То же самое происходило в книгах о попаданцах. Фантазии и мечты о прошлом автора, в лучшем случае его стремление изменить историю хотя бы сослагательно. В прошлое не возвращаются.

А он тогда где? Свежая изумрудного оттенка травка, ярко-зеленые листья на деревьях. Вон уже одуванчики вылезли и радуют мир своим желтыми головками. Это точно не апрель! Город тот же. Но другой. Опять звякнул трамвая. Они по Адмиралтейскому проспекту давно не ходят. Все улицы города заполнили легковые машины. Россия прошла автомобилизацию стремительно и несколько уродливо. Еще один плюс в пользу перенесения в прошлое. И число на газете наверняка не врет.

Но зачем? Самый простой ответ – изменение будущего. Но почему тогда к нам там в двадцать первый век никто не сваливался? Или все равно менять историю бесполезно? Человечество все сожрет и само себя, в конце концов, уничтожит. Конечно, по сравнению с прошлым мы стали жить лучше. Поверьте историку на слово. Намного лучше. Самый обычный потребитель имеет больше, чем варварские короли средневековья. Но человеку все равно мало. Еще, еще и еще ресурсов исчезает в жадной топке потребления. А ведь многие мудрецы прошлого особо указывали на нестяжание и ограничение собственного потребления. Но кому нужна древняя мудрость?

К едрени фене философию! Внезапно из глубин мозговых извилин наружу робко попросилась одна из мыслей. Как же раньше не подумал! А ведь в классике фантастического жанра это все неоднократно описывалось. Создавали ведь подобные книги люди с размахом и нестандартным мышлением. Вот оно! При каждом вмешательстве посторонних мир попросту рас-

щеплялся. Один неизменный вариант двигался дальше, другие уходили в стороны. И никаких тебе проклятых «эффектов бабочки»!

Принимаем, - решил Ракитин, - как одно из возможных объяснений.

Но... даже смешно. Типа он такой супермен должен изменить весь этот говенный мир? Как там в песне у «Машины»? «Изменчивый мир?» По факту нагнули как раз их и не в меру жадноватого фронтмена. Ну сам и виноват, но мы сейчас не об этом. Внезапно в голову пришла дельная мысль проверить наличие имеющихся с собой ништяков. То есть того, что он притащил в Союз образца семьдесят третьего года. Это привычки из туристического прошлого называются. Они, кстати, потом по жизни его не раз выручали. Ну, так горы и таежные реки не прощают вольности.

В кармане пиджака нашлись бумажник, новенький смартфон «Хуавей», расческа, носовой платок и невесть откуда затесавшаяся маленькая пачка гигиенических салфеток. Вот они кстати. В бумажнике внутри оказалось небольшое зеркальце. Вот он его чуть и не разбил, когда увидел отражение себя любимого и бумажник выпал наземь.

Ангидрид твою перекинь марганца!

Если до этого где-то в глубине сознания еще оставалась надежда, что все происходящее лишь сон или галлюцинация, то сейчас сомнений не было. Семен оглянулся и осторожно приподнял бумажник, заново разглядывая себя и смывая салфеткой остатки рвоты с уголков губ и носа. А ведь он помнит этого парня! Правда, после армии лицо было жестче, и глаза уже никогда не возвращались к наивному выражению. Говорили, что он первые полгода смотрел на мир волком и пугал людей. И не всегда хороших. Сколько назревающих драк не началось после такого взгляда.

Хорошо ума тогда хватило вернуться на кафедру. Вернее, спасибо отцу, что в ярких выражениях высказал ему откровенно все. А батю он уважал и любил. Бился до последнего с его клятвой болезнью. И перспектива стать никем его вовсе не вдохновила, стиснул зубы и пошел учиться, заново вживляя на себя оболочку студента. А сколько пацанов запуталось, сгнуло в наркотическом бреде ни за что.

Так что соберись, солдат! Ты здесь не просто так.

Только обозлённость на себя помогала Семену раньше выходить из многочисленных передраг, спасла в ожесточённую зиму Грозного, отгородила от беды в пропитанной злом атмосфере бандитского Петербурга. Поможет и сейчас!

«У вас есть идея, мистер Фикс? Их имеется у меня!»

Бумажник в данной ситуации мало чем поможет. Российские деньги, несколько иностранных монет – евро и турецкие лиры. Запасная симка для телефона. Все это разве что представляет интерес для здешних органов. Так что смело убираем его в сумку.

Смартфон? Сети, естественно, нет. Из полезного записаны цикл лекций и ссылки. Ракитин не любил забивать память телефона лишними программами и файлами. Покупка нового смартфона было для него всегда стрессом. Это молодежь меняла их как трусики «неделька». А он взрослый и, как ни странно, отчасти консервативный человек. Выключаем и отправляем в кармашек удобной сумки.

А что у нас в ней? Етишкины сыроежки! Как он мог забыть? Там же его рабочий ноутбук. Обычно Семен не таскает с собой ноут, но сегодня отчего-то взял. А это кладёшь информации для заинтересованных лиц. Там чего только нет! И сразу все отступило в сторону и перед Ракитиным тут же предстали неясные перспективы. Один, без документов и денег. Что он может? Обратиться в милицию? КГБ? Ну да, это прямая дорога в дурку. Я человек из будущего! Ага, вызовите девятую бригаду.

«И вас вылечим!»

Да нет. Органы в дурку не пошлют, но спрячут так, что жизни больше не увидишь. А оно ему надо? Корыстная часть его натуры тут же предложила иное будущее. Свалить на Севера, купить там новый аусвайс или натурализоваться иным способом. Затем устроиться в неведомой реальности, как можно лучше. Можно вообще свалить на благословенный запад и как-то устроиться там. Ну, давай! Это твой шанс! Где-то ты все равно благодаря послезнанию поймешь за хвост птицу-удачу.

Прокатаешься в новой жизни как сыр в масле!

И ведь Ракитин чуть не повелся, уже начав закрывать сумку-планшет. Затем на него заново пахнуло тьмой. Наполовину оглохший, мало что понимающий солдатик. Вот он тащит такого же пацана срочника по разбитому кирпичу. Вокруг грохочет бой, резко палят из стрелковки, сыто бахают гранаты, пахнет застывшей смертью и почему-то солярой. Бэтэр, привезший им бэка, разбит прямым попаданием, и из него плещется драгоценное топливо. Странно, что тот не загорелся.

Того пацана Семен все-таки вытащил с улицы и даже перевязал. В тыл отправлял раненых уже ротный. Он единственный из офицеров остался жив из сборного батальона, что пришел сюда первым. Настоящий мужик был этот обычный пехотный капитан. «Махра». После тех страшных городских боев Семен больше никогда не стыдился признаваться в том, что был обычным пехотинцем. Это они тянули тягло той безумной войны и совершали давно позабытые подвиги. Пусть больше говорят о десантуре и спецназе, но пехота вытащила на себе основное.

И после такого ты, Сеня, боишься здешних комитетчиков? Страна в опасности! Ей осталось жить меньше двадцати лет. Да через десятилетие она уже не будет той, какой представлялась им в возможном будущем! Как же так получилось, что мы не встали тогда на её защиту? Он долго после войны думал об этом и пришел к парадоксальному выводу. И закрыл гештальт для себя навсегда.

Нас не позвали! Эти суки попросту не подняли нас бой за Родину.

Вот именно те, к кому ты собираешься обратиться. Стало душно, и Ракитин растекся на спинке удобной, но просто устроенной скамейке. И внезапно она стала триггером для дальнейших событий. Еканный Экибастуз! Ты сейчас обижаешься на продавших родину партократов и комитетчиков, но забываешь о простых людях. Им то последующее зло на фига нужно! Ведь кто-то спроектировал хотя бы эти скамейки. Насколько они удобней и функциональней тех уродцев из будущего, которых понаставили по всему городу власти. Семен вспомнил, как постоянно ругался, что спина болит и сидеть неудобно.

Вот и ответ В СССР полно порядочных, умных и образованных людей. Неужели они не смогут повернуть историю в нужную сторону? Да одно его попадание сюда уже расщепило корневой ствол времени. И он никому и ничего не должен. Будет пока действовать самостоятельно. Никаких походов в «контору» или другим властям. Надо сначала разобраться в нынешнем его положении. Так что отставить в сторону самокопание. Составляем план...

Его нога невольно дернулась, и носок ботинка загреб немного земли. Что это? Монетка! Две монеты. Да он богат! Десять и двадцать копеек. Вместе с находкой снизошло озарение. Вот что ему требуется в первую очередь! Финансы и план по инфильтрации, то есть внедрению в текущее общество. Пока голова думала, руки работали. Все лишнее из карманов вон! Мелочь в рублях, ключи от квартиры и кабинета. Ракитин встал и критически себя осмотрел.

Неужели он наел в будущем такое пузо? Никогда не считал себя толстым, но что есть, то есть. Разница размера в два. Пиджак на нем болтается. Давно ли он сам был молодцом-холодцом? Правда, не в институте, а на ниве Петербургской свободной журналистики. Матерый волк

криминальной и околкриминальной хроники Семен Ракитин когда-то был известен за пределами КАДа. Но, к сожалению, все это в прошлом. Новой семье оказалась прежде всего нужна стабильность и, значит, постоянный и главное – спокойный заработок. Пусть даже не такой большой, какой дает должность преподавателя истории университета имени Герцена.

Громкое название скрывало набор разнообразных факультетов, готовящих кадры для школ и прочих учебных заведений. Хотя при разрастании в девяностые бывший педагогический институт стал университетом со всеми вытекающими. Добавили даже юристов и Институт информационных технологий. Статус, бюджет и коммерческий набор. Неизвестно что было важнее для руководства.

Сам Ракитин оказался на родной кафедре истории России случайно. По настоянию второй жены ему пришлось уйти с опасной стези свободной от обязательств и безопасности журналистики. Сидеть в чьем-то издательском офисе молодой и активный мужчина также не желал. Журналистика в целом как раз начала испытывать кризис и стремительно трансформироваться. Бумага постепенно заменялась виртуальными порталами в Интернете.

Семимильными шагами неумолимо наступала эпоха всеобщей цифровизации. Итог подбила пандемия КОВИДа 19, когда в сеть ушли даже древние прабабушки и последние олдфаги, верные доброй старине бумажных газет и журналов. Онлайн 24 стал нормой жизни, а не просто хипстерской забавой. Вдобавок наступала новая эпоха корпораций, где не осталось место бандитскому крышеванию. Там такие конторы крутились, что сами кого хочешь закрывают. Каким рожном смена политики прошла по судьбе Ракитина? Так менялись структуры изданий, уходили старые знакомые, приходили совсем другие люди. Место тесных коллективов, где коллеги ощущали локоть друг друга, занимали бесчувственные корпорации с западной буржуазной деловой этикой.

Галстук долой. Сумка? Слишком выделяется. Накинем сверху ветровкой. Причесаться. Какие, оказывается, у него были непослушные вихры. И цвет волос отчего-то светлей. И ни волоска седины! Помнится, этому обстоятельству всегда удивлялись старые дружбаны. Для них армия и тем более война была чем-то далеким и непонятым. Зато внимание женского пола к «человеку с прошлым» было обеспечено.

Кстати! Семен критически осмотрел себя в вынутое из бумажника зеркальце. С натяжкой его можно признать симпатичным. Слишком уж не брутальное выражение лица. Такое придурковатое, напоминает некоторые фотографии молодого Есенина. Еще вихры эти шизанутые! Так мама у него из-под Рязани. Откуда иному взяться? В его будущем такие сладкие мальчики девочкам нравились.

Людей в саду становилось все больше, день начинал свой разбег. А Ракитин даже не выяснил сколько по здешнему старому сейчас времени. Его часы показывали половину третьего пополудни. Но отлично зная свой город, Семен быстро определил по положению солнца, что еще утро. Он собрался, закинул сумку на плечо и шагнул к идущему мимо серьезному военному.

- Товарищ, майор, разрешите обратиться?

3. Решение. 4 июня 1973 года

Офицер в старомодной одежде и яловых сапогах удивленно обернулся на молодого человека. Окинул Ракитина строгим взглядом, но благосклонно отреагировал на правильно выстроенное обращение. Армейский опыт не пропьешь!

- Разрешаю.

- Извините, просто хотел спросить у вас сколько сейчас времени. Думаю, что у вас часы точно ходят. Мои, кажется, спешат.

Майор, уже достаточно пожилой дядька лишь усмехнулся в густые усы. Шевроны связиста указывали на то, что он скорее всего служит в находившемся неподалеку штабе.

- Правильно обратился, товарищ, - майор мельком глянул на «Сейко» Семена. Он еле нашел в интернете выпускаемую в ограниченном количестве лимитированную серию винтажных изделий знаменитой фирмы. – Парень, твои часики спешат на четыре часа.

- Спасибо.

- Да не за что. Вот смотри, как выглядят правильные часы.

А они у связиста были не простыми, а наградными. Тоже, видать, ограниченная серия.

Неожиданная встреча придала Ракитину энергии. Он поспешил к Невскому, уже более внимательно озирая все по сторонам. В принципе в своем темном костюме он не особо выделялся из толпы. Частенько у мужчин попадались такие же не по размеру пиджаки. Люди в возрасте больше носили свободные брюки кроя пятидесятых, многие курили на ходу. Вот молодежь уже одевалась по-другому. На пешеходке навстречу попались два патлатых типа в темных очках и джинсах. В голове сам собой начал складываться некий план.

Э, гражданин, а не слишком нагло ты хочешь ворваться в прошлый мир?

Семен не узнавал себя. Или это так прорывалась случившаяся внезапно вторая молодость? Ведь он в юности был довольно отвязным малым. Занятие экстремальными видами спорта тому порукой. И не боялся ввязаться в драку или ожесточенный спор. Чего же пугаться ему сейчас, после смерти? Но все равно лучше пока не нарываться, а все как следует обдумать. Навстречу выпорхнула стайка молоденьких девчонок, и Семен тут же отвлекся. Легкие платья, блузки, на головах старомодные прически и косынки. Неужели в Союзе так ярко одевались?

Тьфу ты, вшивый все о бане! Не на одежду ты смотрел, болезный, а на ножки. В моду входит миди, а у тебя в крови бушуют гормоны. Ракитин чуть не встал от осознания реальности прямо посреди тротуара. На Невском так лучше не делать. Здесь всегда много народу, затолкают. Етишкины пассатижи! Как он сразу об этом не подумал. Вторая молодость подразумевает и новые отношения. Спас Семена от лишних раздумий заворчавший живот. Его перерожденное тело немедленно потребовало калорий. И у него как раз есть на это дело копеечки. Решено, двигаем дальше и посматриваем по сторонам.

На углу с пересечением Невского с улицей Гоголя высилось странное здание, причудливо облицованное серым гранитом. Так Питер и славится именно подобной архитектурой. Знаменитый доходный дом Вавельберга был выстроен в стиле итальянского неоренессанса. Сейчас там располагаются авиакассы «Аэрофлота», о чем тут же извещает реклама. В голове начали моментально всплывать уже позабытые сведения о жизни советских фарцовщиков.

Семен же писал в начале нулевых цикл статей о советской фарце. Брал интервью у оставшихся не у дел мастеров подпольного бизнеса, расспрашивал подноготную спекуляций советского подпольного бизнеса. И он точно помнит, что на втором этаже дома расположен кафетерий, в котором была установлена одна из первых в городе эспрессо-машин. Понемногу заведение стало местом дислокации питерской фарцы. А что? Рядом их основное ареал трудовой деятельности - Астория, Дворцовая площадь. Мекка интуристо.

Фарца – уродливое явление советского времени. Элита подпольного бизнеса. Одни считают, что слово произошло от английского «для продажи» - «for sale», по другой версии оно одесских корней. Форец – ловкач, сбивающий цену на рынке. Фарцовщики – люди, выменивающие у зарубежных гостей или барыг иностранные шмотки, которые затем загоняли по завыв-

шенным ценам обычным советским потребителям. Маржа выходила поистине бешеной. Спекулянтам из нулевых и десятых часть такая даже не снилась.

Конечно, крупные мошенники от госструктур или цеховики зарабатывали больше. Но фарца все равно мнила себя некоей элитой от нелегального бизнеса. Они модно одевались, повсеместно использовали англицизмы, вели богемный образ жизни. Кое-кто из них затем позже даже удачно эмигрировал или стал успешным бизнесменом в новой России.

Вот оно решение финансовой проблемы – тут же скомандовал мозг Ракитина. Что-то он начал подозрительно быстро соображать и вспоминать давно забытое. Эффект омоложения организма? Кстати, как такое возможно? По факту он еще не родился. Мдя, а родится ли вообще, неизвестно. Расщепление времени пошло по нарастающей. Его родители ведь еще не встретились и не поженились. А вдруг это в настоящем мире и не произойдет?

«Хорош рефлексировать, интеллигентшишка проклятый!»

Нет, в кафе не вариант, отвернулся Семен от здания авиакасс. А ноги сами несли его дальше по длинному Невскому, перенесли через Мойку и остановили перед пирожковой «Минутка». А ведь он как-то писал о ней! Невского 20. Семен достал монеты из кармана брюк и смело вошел внутрь. Вот сейчас и посмотрим, врут старожилы или нет? А ведь они утверждали, что вкуснее пирожков нигде больше не было. Витрина, в отличие от содержимого кошелька радовала. Разнообразные пироги от шести до одиннадцати копеек. С мясом, рыбой, ливером, черникой, морковкой, рисом и яйцом.

Радовало предложение яйца в тесте, бульона в стакане, чай, бочковый кофе. Народ рассматривал витрину мало, тут же брал пирожки и располагался около стоячих круглых столиков. Под ними даже висели специальные крючки для сумок. Все продумано! Удобный формат русского фаст-фуда. И зачем мы променяли такую классную вкуснятину на убогую шаверму и хот-дог?

- Гражданин хороший, что вы тут на пути расщепились?

Бывший интеллигентный человек подвинул Семена и прошел к буфетчице, сразу запросив пару жареных пирожков с повидлом. За ним, опомнившись, пристроился и Ракитин, прикидывая, насколько хватит его «капитала». Ну, раз судьба подкинула ему монеты, то стоит пустить их в дело. Новому телу еще понадобятся силенки для задуманной операции. Риск – благородное дело! Семен надеялся, что вечером уже будет пить шампанское в поезде. Сколько, кстати, оно тут стоит? Пять рублей вроде.

- Жареный с повидлом, еще с рисом и яйцом.

- Один? – поинтересовалась буфетчица в белом халате и чепчике, тут пробивая на кассе чек. Та стучала, как орда кузнецов на подковке лошадей. И стучала женщина по клавишам с заметной силой.

- По одному каждый. И один кофе, будьте любезны.

- Проходите.

Вторая буфетчица с широкой улыбкой на лице подала Ракитину заказ. Быстро они тут обслуживают. Не хуже, чем в Маке.

- Пожалуйста, ваши пирожки.

- Благодарствую.

- Будьте любезны, заходите еще.

Типичный питерский обмен любезностями. Говори почаще комплименты и тебя сочтут в этом городе за своего.

Ракитин нашел свободный столик и поставил тарелку со стаканом на него. Мимо за витриной текла людская толпа. Один раз в жизни Семен видел Невский пустым. Во время карантина в двадцатом году. Они собрались тогда в самом начале со старыми друзьями на пьянку.

«Попрощаться» - сказал многозначительно один из них. Митька-луноход. Все тогда еще боялись патрулей и военного положения. Но Кремль это не Китайское Цэка. Перечить олигархам наши правители стали и создавали лишь видимость борьбы против «чумы 21 века». За что потом поплатились жизнями сотни тысяч их соотечественников. Сколько всего страна потеряла – больше миллиона?

Затем они подвыпившие и ошалевшие ходили по опустевшим улицам ночного Питера, осторожно озираясь по сторонам. Не едет ли полиция по их душу. В окнах повсеместно горел свет. Большинству обывателей не надо было с утра на работу. Это врачи, специалисты экстренных служб и работяги, как вкалывали, так и трудились все те месяцы. Кто же знал, что дальше будет еще хуже.

- Свободно?

За столик пристроился модно одетый парень. Семен скользнул по нему взглядом и впился зубами в пирожок. Молодому человеку на вид не больше двадцати, бачки, прическа, нейлоновая водолазка и вельветовый пиджачок выдавали в нем продвинутого представителя здешней молодежи. Сосед с жадностью откусил жареный пирожок с повидлом и восхитился:

- Только здесь такие пекут! Как они умудряются? Ничего вроде сложного, но как вкусно.

- Ага, - поддакнул Ракитин, доедая свой и принимаясь за второй.

- А вот кофе подкачал.

- Нормальный кофе, бывает хуже, – флегматично заметил Семен. Для него вкус был как раз таким, каким он его помнил с детства. Ни одно эспрессо не сможет сравниться с настоящим советским бочковым кофе?!

- Странный ты, - парень окинул Ракитина взглядом свысока. – Куртка - фирма, а вырядился, как на похороны.

- Может, с них и еду? – свой пронизывающий насквозь взгляд Семен тренировал давно. В институте ходили слухи, что лучше сразу получить пару, чем попасть в поле зрения странного препода с кафедры истории. Типа он бахнутый на войне и неизвестно, что сделает в следующую минуту. Может, полоснет по горлу и утопит куски расчлененного тела в Мойке?

- Тогда извини, - парень кивнул в сторону куртки. - Где брал такешник?

- Там уже нету.

- Смотри, - молодчик сточил второй пирожок и заговорщически придвинулся ближе. – Если есть желание, могу помочь со шмотом. Продать, купить.

Взгляд Ракитина откровенно смутил незнакомца. Тот, наверное, за эту минуту много чего передумал. Вон как рука заходила. Нервы у незнакомца ни к черту.

- Ты не похож на человека, что продает или покупает.

Парень нервно зачастил:

- Да я так просто. А вдруг?

- Вдруг бывает только пук! – Семен вспомнил свою статью двадцатилетней давности и понемногу выстроил цепочку дальнейших действий. – Есть у тебя на «Галёре» знакомые? Имеется предложение, но не хочу тратить время впустую.

Парень чуть не поперхнулся кофе и затравленно глянул на странного соседа.

«Новичок. Значит, надо идти точно без него».

Расчетливая и смертоносная машина из будущего разглядывала информатора, как паука в банке. Мелкий, но гадкий представитель мира насекомых.

На улице Ракитин выдохнул, поправил сумку и уперся взглядом в Ленинградский дом моделей, что высился на той стороне Невского. А ведь СССР вовсе не был отсталой страной, какой его представляли следующим поколениям. Отсутствие джинсы и модных туфель отнюдь не делали его бедной державой. Не будем рассуждать о таких банальностях, как успехи в космосе, гигантские каскады электростанций и сотни заводов.

В двадцать первом веке сограждане уже убедились, что бесплатная и доступная медицина, образование, спорт на самом деле стоят достаточно много. И главное - они все-таки были, а не декларировались. Вот в последнем эрефеянские власти достигли огромных успехов. Пускать пыль в глаза электорату и безбожно врать на каждом шагу. Ракитин отлично знал изнанку политтехнологий. Сам немного поучаствовал в их создании.

Честно говоря, занятие сродни настоящему бандитизму. Ничем по совести не лучше. Но это уже свойство нового времени – не быть, а казаться. Не зря в рекламе утверждали – Имидж ничто, жажда все!

Пока Семен двигался в сторону Гостинки, он понемногу разминался. Хрен его знает, какой физический уровень у его нынешнего тела. Но во всяком случае от быстрой ходьбы он совершенно не запыхался. И это откровенно радовало. Еще приводили в восторг радостные лица идущих навстречу молодых девчонок. Ведь они были учащимися, а сейчас время каникул или их предвкушение. Впереди сказочное лето и каникулы! Да сам солнечный день для Ленинграда уже радость!

И Ракитину было все равно, что он сейчас в стрёмном костюме. Он молод, полон энергии и решимости. Видимо, все это получило отражение на его лице. Молодой человек то и дело ловил на себе любопытные взгляды. А здесь есть, где развернуться! С его жизненным опытом познакомиться с какой-нибудь милашкой - это раз плюнуть. Семен не был бабником, но женщин любил. И они его. Хотя некоторые быстро бросали.

Да к черту прошлое будущее! Он все изменит. Он обязательно постарается изменить!

Первый и второй этажи галереи знаменитых Гостиных домов еще с пятидесятых годов стал место прибежища теневого дельцов. «Галёра», магическое слово, притягивающее к себе как питерцев, так и гостей столицы. Мекка фарцовщиков, валютчиков, ломщиков и воров. Здесь можно было купить «фирму», дефицитные импортные шмотки, то бишь американские джинсы или итальянскую обувь. Приобрести самопальные пуссеры или настоящее «Мальборо». Загнать привезенную оказией валюту, а также на ровном месте поиметь на собственную задницу проблем.

Ракитин не торопился, набираясь решимости. Будь сейчас на его месте тот пацан, каким он был до армии двадцать лет назад, и на кого в этот момент смахивал, то ничего бы не срослось. Но нынешний Семен совсем не тот порядочный парень, что был когда-то в прошлом. Цель оправдывает средство! Так что нечего меньшеваться. Вперед!

Парень из кафе сказал, что его знакомые тусят поближе к Апрашке. Ракитин направился сразу туда, обходя крутящихся в ожидании клиента фарцовщиков, менял и просто покупателей. Гостиные дворы были огромным универмагом, где продавалось много чего интересного. Сам он в детстве приезжал сюда за химикатами для фотографии. Почему-то те здесь не переводились. Или за наборами карандашей для черчения. В Гостинке частенько «выкидывали» Koh-i-Noor. То есть и в малолетстве Семен уже жил по законам дефицитной торговли. Мы всегда принимаем правила игры текущего мира.

Но не в этот раз!

Эти фарцовщики, казалось ничем особым не выделялись от толпы. Группа молодых людей, пусть и неплохо одетых. Но ничего броского. Разве что на многих узкие по последней

моде солнцезащитные очки. Ракитин постоял в сторонке, наблюдая за ними. К фарце то и дело подходили люди, что-то спрашивали. Иногда кто-то из группы отходил, затем возвращался, о чем-то бойко сообщая остальным или пожимая плечами. Работают молодые капиталисты!

Но одно общее здорово отличало эту группу от остальных. Они все были крайне самоуверенны и поглядывали на окружающих свысока. Семен вспомнил рассказы бывалых, что фарца - это не просто спекуляция, а некая субкультура, основанная на карго-культе советского обывателя. В голове у Ракитина летящей звездой промелькнуло понимание происходящего в обществе. Но оставим размышления на потом.

Задача на ближайшее время ясна и её надо выполнять.

Присутствие на «Галёре» постороннего не прошло незамеченным. От группы отделился долговязый парнишка и тихой сапой двинулся вдоль стены.

4. Действие. 4 июня 1973 года

- Чего тут отсвечиваешь, пацан?

Долговязый подошел сбоку и особо не чинился, закрыв своим субтильным туловищем дорогу к лестнице. Ракитин нарочито спокойно повернулся к нему и неспешно смерил наглеца с головы до ног. Обычно такое поведение нервирует подобных этому чересчур развязных оболтусов.

- Проблемы?

- Но проблемс, - жующий жвачку фарцовщик примирительно поднял руки и кивнул на куртку. Семен специально положил её яркой надписью наружу. Опытный делец должен был понимать, что за скромной одежкой может скрываться хищная рыбка. – Продаешь такешник?

«Такки» по-фински куртка, вспомнил Ракитин и ответил не сразу, доводя клиента до нужной кондиции:

- Возможно. Но мне надобен не ты, а Гриша.

Все-таки это не воры. Те умеют держать масть, вида не покажут, но обязательно напрягутся. Братки, например, при непонятках начинали тут же быковать. А у Долговязого заметно перекосило лицо, убедив Семена в правильности выбора.

- Какой еще Гриша?

- Ты мне мозги не епи, малой. Гриша Распутный.

Конечно, фамилия у Григория была вовсе не Распутин. Но мода на «доски» возродила повальное увлечение на дореволюционную старину. Вспомнили о дворянах, царской фамилии и связанной с ними скандальной личине «сибирского старца». Семен, когда учился, как-то писал на эту тему реферат. Прелюбопытной личностью Распутин по факту оказался. Даже безо всяких мифов. Но настолько же омерзительным была тогда придворная нечисть. А вот замывшегося в растерянности долговязого пришлось подтолкнуть к правильному решению, указав на его корешей:

- Ты лучше давай позови его. Время дорого. Цигель ай-люлю!

Тот молча кивнул и моментально исчез. Через несколько минут перед Ракитиным нарисовался крепкий на вид молодой мужчина лет двадцати пяти. Его немного старили длинные баки и хмурый взгляд. Одет, как и все без вызова, но в «фирму». Это лишь хиппи ходили по городу в порванных джинсах клешах и длинных рубашках. Хорошему дельцу надо выглядеть серьезно.

- Чего хотел?

Семен чиниться не стал, и как задумывал ранее, протянул фарцовщику свои часы. Эта лимитированная серия «Сейко» была выполнена в классическом стиле, и человек из будущего надеялся, что его часы не будут смотреться излишне футуристично. Хотя для «совка» любая японская техника выглядела фантастикой. Гриша повелся на фирму, аккуратно взял «Сейко» в руки, осмотрел со всех сторон и деловито поинтересовался:

- Джапан? Сколько хочешь?

Ракитин усмехнулся:

- Гриша, ты всерьез считаешь, что я нашел тебя, чтобы продать одну штуку.

Распутный оглянулся и поманил за собой, чтобы не отвечивать на галерее.

- Говори.

- Есть партия и, - Семен сделал паузу, - возможно, следующие будут регулярно.

- Откуда дровишки? – с сомнением посмотрел на странно прикинутого Семена фарцовщик.

- Я мотористом на линии. Роттердам, Антверпен. Берем у маклаков по огромной скидке. Гриша осклабился. Моряки торгового флота, как и шоферы-дальнобой одни из основных поставщиков «фирмы».

- Откуда такой красивый?

- С Черного моря, но родом с Новгорода. Перевелся поближе к родне. Да и там... всякие непонятки с таможней нарисовались.

Распутный осклабился:

- Ясно.

Одесское пароходство всегда славилось в Союзе своей неистребимой тягой к контрабанде. «Любимцы» таможенников и спекулянтов всего черноморского побережья.

Гриша еще раз кинул взгляд на часы, а затем заинтересованно глянул на сумку-планшет.

- Что еще есть предложить?

- Допустим. Но серьезно буду разговаривать не здесь. У тебя ведь наверняка рядом «шоурум» находится.

- Чего-чего?

Фарцовщик в первый раз за встречу выглядел растерянным.

- Гриша, английский язык андестеп?

Мысли нервными мурашками забегали на симпатичном личике Распутного, а затем губы разошлись в ухмылке.

- Понял. Слушай, хорошее словечко! Оттуда привез? Надо запомнить. Давай, за мной.

«Есть! Контакт налажен!»

Семен не выглядит полным лабухом, с такими фарца обычно не имеет серьезных дел.

Гриша еле заметно кивнул кому-то из своих, развернулся и пошел к лестнице. Они вышли на улицу и тут же свернули в подворотню, двинувшись дворами в сторону Фонтанки. За ними шлепал Долговязый. Видимо, это была его функция – следить за тем, чтобы никто лишний не увязался. Старый фонд в Ленинграде изнутри смотрелся неприглядно. Да еще по пути в Гостинке Семен замечал и неровный асфальт, и облупленные стены зданий, ямы в некоторых местах. Старый Петербург потихоньку приходил в негодность. Судьба столицы в образе столичного града. Разве что везде было чисто подметено. Даже странно. В Союзе хватало денег на поддержание в образцовом состоянии лишь Москвы? Как знакомо!

В подъезде одного из выходящих на набережную Фонтанки зданий они остановились. Гриша сначала дождался Долговязого, коротко переговорил с ним и лишь потом двинулся на второй этаж. В квартире царил полумрак и некоторый кавардак. Семен вошел и неторопливо

оглянулся. Ему сложно было оставаться безмятежным. Внутри все буквально клокотало. Но он копил силы и энергию, стараясь унять поднимающуюся волну адреналина.

Вряд ли бы это получилось у того юнца, в теле которого Ракитин оказался. Но зрелый и повидавший всякое мужчина был способен на многое. В кулаке зажат подобранный по пути кусок какого-то автомобильного агрегата. Мышцы уже разогреты. Оставалось успокоить фарцовщиков, чтобы ничего заранее не заподозрили. Так или иначе с новым продаваном всегда связаны некоторые риски.

Большая комната с высоченным потолком оказалась заставлена коробками и тюками. Похоже, сюда шмотки привозили не только те из фарцы, кто щипал «фирмачей». Уже набирало силу движение «цеховиков». Пока еще на юге. Там никогда не прекращалась коррупция и было проще подкупить нужных людей. Пока остальная страна тяжело вкалывала на общее благо, в некоторых республиках устанавливали свой несоветский закон. Затем эта ржа пошла дальше. Ну что ж. Надо кому-то это остановить или конструкция общего дома завалится набок и похоронит под собой множество людей.

Ракитин снял с одного из стульев раскрытую коробку. Он успел заметить, что там лежали колготки. Стыдoba, неужели нельзя было построить в стране несколько заводов и насытить спрос? Это же не безделушки, а товар первой необходимости. Или кремлевским старцам было плевать на потребности женщин?

Ничего, позже разберемся!

Холодная ярость придала решительности. Семен поставил на опустевший стул сумку и открыл её, делая вид, что собирается достать какую-то вещь:

- Могу предложить диски. Постоянные поставки. В Роттердаме мы нашли один весьма любопытный магазинчик. Лучшие лейблы у них всегда есть. Интересно?

Долговязый остался в проеме дверей, а Григорий с любопытством уставился на сумку. Она сама по себе буквально кричала о фирме». Хитрый же оказался этот жук с торгового флота! Одет как обсос, и ведь никто на него подумает. Они там в Одессе ребята не промах!

- Что у тебя есть? Сразу куплю. Товар ходовой.

- Пинк Флойд, слышал о таких? «Обратная сторона Луны».

Распутный азартно ударил ладонями друг о друга:

- Так он ведь только что вышел!

- Ну а я, о чем? Будешь смотреть?

Вот он и наступил решительный момент. Осталось проверить, сработают ли наработанные в прошлом будущем рефлексy в новом теле. Это был риск, но риск оправданный. После армии Ракитин как-то случайно сцепился языком с ОМОНовцем, также побывавшем в Чечне. Затем он несколько месяцев занимался с парнями из отряда рукопашкой в гараже. Бились там серьезно и совсем не по правилам. Ведь ОМОНовцам приходилось иметь дело не со спортсменами, а с бандитами и хулиганами. Потому учили бить «сильно, но аккуратно».

Гриша был расслаблен и потому хлесткий удар по печени прозевал. Скрючившегося от боли фарцовщика Семен добил ударом коленом по лицу. Тот упал на грязный пол и больше не отвечивал. А вот долговязый создал некоторую проблему, начав махать ногами. С каратистов, что ли, моду взял? Но Ракитину сейчас было некогда возиться с подручным Распутного. Железом по ноге, затем в голову, потом добивающий по шее.

«Удалось! Сейчас вязать!»

Быстро сняв с Долговязого ремень, «человек из будущего» обмотал ему за спиной руки, затем засунул в рот кусок первой подвернувшейся тряпки. И тут позади неожиданно завозился Гриша. Пришлось добавить ему ногой по животу и стянуть ремень покрепче.

- Сиди смирно, гаденыш!

Посадив связанного фарцовщика на стул, Ракитин метнулся к входной двери и проверил её. Закрыта! Затем он прошел на кухне и отыскал там старый нож и спички. Мойка была занята грязными чашками. Кофе они тут варили или что-то иное? Хотелось пить, но пока не до этого. Надо закончить важное дело.

Григорий уже пришел в себя и злобно смотрел на Семена. Но тому было все равно. Он внимательно изучил узкое лезвие, видимо, предназначенное для чистки рыбы, и зажег огонь, начав прокалывать железо. Ракитин сжег несколько спичек и лишь потом внимательно посмотрел на фарцовщика. Он его уже обыскал, но в тонком кошеле нашли лишь несколько мятых бумажек и мелочь. Хитрожопый галёрщик не носил с собой наличность. Но как говорится, на каждую хитрую задницу найдется болт с винтом.

- Я тебе задам лишь один вопрос, Гриша. И ты мне на него обязательно ответишь. Я даже не сомневаюсь. Видишь этот ножик? – Ракитин махнул лезвием перед лицом фарцы. Тот невольно дернулся. Мужчины всегда где-то на уровне подсознания боятся ножей. В старинные времена близкое к лицу лезвие чаще всего означало скорую смерть или ранение. Способы смертоубийства давно поменялись, а память предков осталась.

- Знаешь, зачем я грею лезвие? Глаз от жара очень быстро лопается, даже резать не надо. Ты уже готов ответить? Если да, то кивни. Иной ответ не принимается, - клиент проникся и «поплыл» и начал быстро кивать. – Я тебе задам вопрос и выну кляп. Будешь кричать, лишишься глаза! А оно тебе надо? Деньги ведь дело наживное. Кстати, где они?

Ракитин резко выдернул тряпку. Гриша сначала закашлялся, а затем прохрипел, показав глазами:

- Там, синяя коробка у окна. Ты...

Тряпка вернулась в рот. Рисковать в данной обстановке как-то не хотелось. Один против криминальной силы города Петра.

Семен быстро подошел к окну, отодвинул в сторону несколько перевязанных бечевкой бумажных пакетов и поднял небольшую коробку. Действовать нужно быстро, могли вернуться подельники или кто-то зайти по другой надобности. Ширма и вешалка в комнате говорили о том, что клиенты здесь проводят примерку одежды перед покупкой. Пусть и не все.

«Бинго!»

Под стопкой старых газет лежали сложенные аккуратно и перевязанные резинками для волос деньги. Черт, две пачки валюты. Финские марки и доллары. Нет, они ему не нужны. Это лишнее палево! Массовых обменников еще не существует. Любая попытка обмена чревата попаданием в руки органов. Однозначно в сторону! Семен схватил увесистую пачку советских рублей и закинул в сумку.

«Все, пора валить!»

Ему хватило выдержки стереть отпечатки пальцев с рукояти ножа и спинки стула. Затем Ракитин опрометью кинулся к входу, внимательно прислушался, потом распахнул дверь и побежал вниз.

«Черт, надо было одёжку у них взять! Но уже нет времени. По законам жанра уйти намного трудней и опасней. Ходу!»

На его счастье дворы были проходными. Еще не наступило то время, когда жильцы собственным произволом перегораживали выезды из знаменитых Питерских дворики. Не ста-

вили повсеместно вместо деревянных металлические двери, а на окна сигнализацию. Лишь уйдя на несколько кварталов и выйдя на улицу Гороховая, Ракитин расслабился. А неплохо его новое тело выдержало испытание! Вот что значит молодость. Разве что осталось мышцы прокачать и набить новые рефлексy. Кисть, как будто издеваясь, тут же отозвалась болью, которая ранее скрадывалась накачкой адреналина.

Он успел мельком заметить табличку с номером дома Дзержинского 57а, а затем стремглав бросился к подъезжающему к недалекой остановке автобусу странной конструкции. В памяти всплыло название машины ЗИЛ-158. Эти автобусы еще долго ходили по стране, постепенно заменяясь на более продвинутые ЛиАЗ-677, ставшие одним из символов застоя.

На передней площадке Ракитин остановился и упёрся взглядом в странный ящичек, прикрепленный к стенке.

5. Уйти красиво. 4 июня 1973 года

«Так это же касса!»

Он такие застал в глубоком детстве, когда еще сам не платил за проезд. Сверху прозрачное окошко и прорезь, куда на движущуюся ленту кидались монеты. Но рука уже сама лезла в карман, где оставались пятнадцать копеек. Он еще не сбросил кошелек Распутного, но сейчас лезть туда не хотелось. Семен смело шагнул к кассе, автобус дернулся, начав движением, а «человек из будущего» застыл на месте от нерешительности.

«Проезд стоит пять копеек, а у меня пятнадцать!»

- Что, парень, размена ждешь?

Спросил его снисходительно мужчина в кремовом костюме, подал пятак Семену и открыл себе билет. Ракитин не растерялся, протянув руку стоявшей за мужчиной девушке, которая ссыпала ему на ладонь мелочь. Он тут же кинул свою монету в пятнадцать копеек в кассу и открыл билет сначала девушке, потом себе.

«Хороший разменчик!»

И все чинно — благородно. Советский коллективизм или незабытая крестьянская общность? Что заставляло людей быть вместе, ощущать себя единой страной? Ведь императив человек человеку друг и товарищ еще не ушел в небытие. На душе стало неожиданно легче. Может, и не зря все его замыслы? Так или иначе, Ракитин постарается сделать все возможное, чтобы изменить будущее.

Он вышел на Обводном канале. Сейчас стоит остановиться, осмотреться и подумать. Местом «на подумать» он выбрал Багратионовский сквер, что расположился рядом с Театром юных зрителей. Выглядел тот несколько заброшенным, и по всей видимости назывался здесь по-иному. Еще одна засада — много улиц и даже городов в настоящее время назывались по-иному. Волна переименований, прошедшая в девяностые, здорово могла ему помешать. Так и палились агенты.

Зато здесь народу мало. Найдя сломанную скамейку, Семен устроился на ней, настороженно огляделся по сторонам и полез в сумку. Первым он освободил от наличности лопатник Гриши. Кошель был красивый, из тонкой кожи. Жаль такой выбрасывать, но придется. Под куст его и прикопать немного. Если и найдут, то нескоро и с фарцовщиком вряд ли свяжут.

Что мы имеем? Три десятки, две пятерки, трешка и пара рублей. Плюс мелочь. Итого сорок пять рублей семьдесят восемь копеек. До чего мелочный фарцовщик! Каждую копейку берег. Хотя, как ты с рублем к автомату с газировкой подойдешь? Сразу захотелось пить. Но сначала пересчитаем пачку купюр.

Некоторое время Ракитин сидел в прострации. Сколько там была средняя зарплата в СССР? Рублей сто-сто пятьдесят? Семен отдавал себе отчет, что существовало множество профессий, где люди зарабатывали и больше. Шахтеры, полярники, летчики, руководство министерств и ведомств. Так было всегда и во все времена. И сводить все к некоему инженерушке из НИИ, представители которых обычно и стонали в блогах ЖЖ «как они плохо жил при совке», точно не стоит. Это как в его время приравнять средний уровень к рандомному менеджеру в «Эльдорадо». В жизни много путей, чтобы поменять свою судьбу к лучшему. Но если хочешь быть серой мышкой, то значит, ей и будешь!

А по факту у него сейчас в сумке целое состояние. Гуляй рванина! Интересно, полярники или китобои на берегу после вахты столько разом получают? Тысяча семьсот шестьдесят рублей ровно. Половина купюр четвертными, остальное - червонцы. Так это не банк, чтобы все было стандартно. Мало ли они заготовлены кому-то отдать. Семен всей механики деятельности фарцовщиков не знает. Но обути он их все-таки сумел!

Ничего, еще заработают. Вот кого не было жалко, так данную пародию на настоящих бизнесменов. Что они такого ценного делали в этой жизни? Обычные спекулянты с огромным самомнением. Ракитин всегда презирал таких людишек. Даже к рыночным торгашам относился иначе. Товар ведь нужно привезти, подать, терять средства на логистике и зарплате. То есть каждый день думать, возить, трудиться, в конце концов. А тут? Просто-напросто пользуются дефицитом.

«Так что, ребятки, ничего я вам не должен».

Закончив разбираться с муками совести, Ракитин переложил пару сотен в карман пиджака и задумался. Его изначальный план не простирался дальше срочного отъезда из города. А ведь еще стоило найти другую одежду, купить кое-что из необходимых вещей и избавиться от слишком приметной сумки. Тут неподалеку Витебский вокзал, можно посмотреть, что есть там. Выяснить механизм покупки билета, да и рядом должны быть какие-нибудь магазины. И кафе. Как только адреналиновая тряска прошла, организм вспомнил, что ничего не ел с утра. Два пирожка не считаются. Быстрые углеводы, уже давно потрачены.

Тогда чего сидим?

С деньгами на кармане жить легче. Может, переквалифицироваться в воры? Вольная житуха! Сегодня здесь, завтра там. «Украл, выпил, в тюрьму!» Нет, криминальная псевдоромантика Ракитина совсем не прельщала. Навидался он по своей первой работе старых настоящих воров. Вся жизнь в тюрьме, здоровье ни к черту, и ничего не видали слаще морковки. Идиоты, что скажешь. Нет, если и рисковать, то для высокой цели. А она у него теперь есть.

В первую очередь он напился, потратив две трешки и однокопеечную монеты. Вода просто с газом изрядно порадовала. Это же сколько в ней пузырьков! Сиропы были натуральными. Неужели их такими когда-то делали? Честно говоря, Семен всегда посмеивался, если при нем рассказывали о том, что раньше мороженое было вкуснее, а девки сисястей. Ага, и давали чаще!

Но первый же из артефактов прошлого проявил себя блестяще. Что дальше? Проходя мимо киоска Союзпечати, Ракитин зацепился глазами за заголовки газет. А ведь ему нужна информация. Кто сейчас правит в стране? Нет, понятно, что Брежнев. Но он ведь стоял во главе, а еще державой рулила куча разнообразных и зачастую странных личностей. Одна из гадких примет постперестроечного времени, да и поздней Эрефии – постоянное вранье насчет нашего общего прошлого. Не было в СССР никакой диктатуры, а правление осуществлялось коллегиально! Пусть и узкой группой лиц. И также дело обстояло практически в любой стране мира.

Вот возможности влияния на власти со стороны общества, надо честно признаться, везде были разными.

Газеты стоили копейки, тут же в киоске Семен высмотрел небольшой перочинный ножичек с кучей причиндалов. Этакий советский мультитул. Заодно купил блокнот, карандаш и спросил, есть ли поблизости магазины. Пожилая женщина была по-питерски любезна и словоохотлива. Так что на пару часов Ракитин будет занят. Но по пути к выходу он заглянул в кассы. По причине лета там толпилось много народу. И вот что характерно – кассиры не спрашивали у потенциальных пассажиров никаких документов.

Семен подошел ближе к одной из касс, и на него тут же зашикали люди – чего, мол без очереди лезешь! «Человек из будущего» извиняюще улыбнулся и отошел от греха подальше. Психологию толпы он неплохо знал. Но успел заметить, как женщина получила в руки небольшую коричневую картонку. Это, значит, и есть железнодорожный билет?

Ракитин двинул на улицу и свернул на Загородный проспект. В голове крутились различные варианты переезда из Ленинграда в Москву. Первоначально он собирался уехать на электричке, а потом добираться дальше перекладными. Так они поступали во времена студенческой молодости. Но не факт, что в начале семидесятых уже есть все линии. Да и милиция в электричках появляется чаще. Семен здорово подозревал, что органы правопорядка редко тусят в поездах дальнего следования. Что им там делать, если ничего не случилось?

«Решено! Уедем с Московского вокзала!»

Но сначала надо сменить имидж. Семен внимательно посматривал на людей, особенно на мужчин. Нет, женщины и при Союзе старались одеваться ярче. Внезапно вспомнились дурацкие Голливудские фильмы про СССР. Все серое, их одеяния больше смахивали на некую Балкано-Румынию. Странно, вроде интернет уже изобрели, да разве сложно взять в эксперты эмигрантов? Хотя если вспомнить, кто правит бал в Голливуде, и кто уезжал в Америку первыми, то все становится ясно. Им как раз требовалось очернение Советского Союза. Создание избытых баек и побольше голимой клюквы.

Легкие плащи, яркие рубашки, блузоны, футболки с надписями. Люди выглядели разнообразно. Но мужчины чаще всего шли в пиджачках. Джинсы отметаются, да и за ними опять к фарце пилить. Ракитин прошел несколько магазинов, но в итоге сумел переодеться. Ему пока много не надо. Клетчатая рубашка с короткими рукавами, коричневые брюки, хлопчатобумажная курточка прикольного покроя, напоминающая френч, но главное – с глубокими карманами. Заодно купил себе небольшой кошелек. И кепку, обязательно надо купить кепку! Головной убор здорово меняет имидж.

В итоге не смог устоять против шляпы Федоры. Такие многие тут носили. Правда, не молодежь. Но зато он стал смотреться импозантней. Даже девушки начали иначе посматривать. Сумку в итоге менять не стал. Ничего подходящего в торговле не нашел. Да и защитного оттенка, она вполне вписывалась в новый образ. Семен лишь спорол лейблу. А старую одежду частями выкинул в мусорные баки. Осталось поменять белье, но оно было обычным. Пока обойдется!

Осмотрев себя в зеркале, когда мыл руки перед обеденным залом, Ракитин удовлетворенно хмыкнул. Камуфляж годный! В напористом студенте сложно признать недавнего гопстопника. Фарцовщики вряд ли обратятся в милицию и начнут пробивать его по иным связям. Семен не знал, имеется ли в этом времени такое понятие, как крыша. В девяностые, да и позже ты мог опасаться, что за тобой начнут охоту «оборотни в погонах» или просто прикормленные оперативники.

Большие деньги творили большие беды. О многих из них не сообщали в прессе или упоминали вскользь. Кому, например, интересны методы рейдерства? Подумаешь, у одного хапуги отобрали собственность другие! Рядовому обывателю было на это наплевать. Он и не подозре-

вал, что расходы на передел и подкуп уже включены в цену товаров и услуг. Как и траты на обеды в дорогих ресторанах, элитных шлюх и зарубежные «деловые» поездки. Куршавель стал русским курортом за счет русских же трудящихся.

Столовая, адрес которой Ракитину подсказали вездесущие таксисты, и в самом деле оказалась хороша. На первое Семен взял рассольник, такие рассольники в его времени в обычном кафе уже было не увидеть. Уходила посконная русская кухня! Её заменили кусочки риса с сырой рыбой неизвестной свежести, бутерброды с котлетой и запеченные с мешаниной из продуктов кусочки теста.

На второе он выбрал пару бифштексов и рис. Начало лета, с картофелем в сети общественного питания напряженка, гречка в дефиците, а макарон сейчас не хотелось. Бонусом шла вкуснейшая подлива. Делали её просто - из бульона с добавлением томат-пасты и специй. В этом заведении явно готовили с душой. Вместо компота Ракитин заказал соки. На выбор были – березовый, томатный и яблочный. И все три как на подбор вкуснейшие. Это с его рецепторами что-то не так или они на самом деле такие?

Ел, не спеша, ему предстояла дальняя дорога, следует запастись энергией. Она еще ему понадобится. А ведь Семен еще не решил, что будет делать в столице. Вот над этим стоило поразмышлять пристально в каком-нибудь тихом месте. Закончив обедать, он отнес посуду к мойке. В Союзе было повсеместно распространено самообслуживание. Чай не баре! Но сейчас Ракитина это устраивало. Меньше лишних глаз.

Он надвинул поглубже шляпу и пошел в сторону станции метро. Почему-то во время ходьбы лучше думается. А подумать было о чем. В первую очередь о том, к кому обратиться за помощью. Официальные органы он отверг сразу. Идиотов снизу хватает, так было во все времена. А к высокому начальству неизвестного и донельзя странного молодого человека точно не допустят. Да и к кому там обращаться он не знает. Даже не в курсе, кто из коммунистов в семьдесят третьем состоит в Политбюро. Не к Брежневу же напрямую идти?

«Думай, Сеня, думай!»

Нужно искать выход на человека ему знакомого. И лучше всего имеющего отношение к спецслужбам. Ага, вот так просто – найти кого-то пятьдесят лет тому назад. Все его связи остались далеко в будущем. В это времени они в детский садик ходят или в школу, или... Ответ застал его на входе в метрополитен. Ракитин застыл от неожиданной догадки прямо в дверях.

- Чего встал?

- Парень, ты идешь?

- Извините, пожалуйста.

Пропустив мимо спешащих горожан, Семен, не спеша шагнул в зал, затем очнулся и достал кошелек. Заветный пятак среди остальных монет тут же нашелся.

Ракитин заворожено наблюдал, как увесистый пятак исчезла в прорези и «рога» раздвинулись в стороны. Он так давно привык пользоваться разнообразными картами, что после прохода остановился и с интересом наблюдал, как пассажиры бросают монеты. Это же сколько их проскальзывает тут за день! Затем Семен заметил на себе взгляд работницы метрополитена, сидящей в будке, и поспешил к эскалатору.

Внутри старые линии метро выглядели почти так же, как в будущем. Разве что указатели другие и нет рекламы. Первые станции, вообще, можно было использовать как музеи. Все-таки красивое у нас метро! И глубокое. Ведь оно строилось и как потенциальное бомбоубежище. Хотя от ядерных боеголовок все равно не спасет. Не тот грунт, да и мощь оружия стала поистине устрашающей.

Странно, подумал Семен, готовились к войне со всем миром, а погибли от внутреннего врага. Эта мысль буквально захлестнула его, и Ракитина чуть не снесла толпа выходящих из вагона пассажиров. Ему нужно отойти в сторону и хорошенько продумать свои дальнейшие действия. Экспромт годится, но не всегда.

Через час в здание Московского вокзала входил уже совсем другой человек. Еще более уверенный в себе, с составленным планом на ближайшие дни. Собранный и готовый на многое. Ракитин внимательно огляделся, милиции видно не было. Пассажиров в это время года хватает, но пока их количество не критично. Он посмотрел на расписание поездов и двинул к кассам. Поедет ночью. Как раз есть время купить чего-нибудь пожрать в дорогу и почитать свежие газеты. А утром будет на месте.

- Мне, пожалуйста, на вечерний скорый в Москву.

Усталая кассирша бросила:

- Плацкарта нет.

Видимо, она посчитала, что студент не будет тратить деньги на более дорогие билеты

- А что есть?

- Купейный.

- Давайте, один в купе.

Семен передал червонец, затем еще рубль и десять копеек. Однако, срочный и купе стоит дороже! Кассир прокомпостировала картонку в какой-то машинке и подала ему.

«Пятый вагон, двенадцатое место».

Ну что ж, жребий брошен! Во восьмом часу утра на привокзальную площадь Ленинградского вокзала неспешно вышел молодой человек в старомодной шапке и жадно потянул воздух. Как давно он не был в столице!

- Парень, машина нужна?

6. Столица. 5 июня 1973 года

В купе Семен устроился быстро. Принципиально оно не отличалось от вагонов будущего. Разве что было немного душновато, пока они совместно с немолодым мужчиной не приоткрыли «зарытое» на зиму окно. Механизм, как всегда, заедал.

- Не хотят, черти, правильно обслуживать! – пояснил второй мужчина, что уже удобно устроился наверху. На вид обычный работяга. Он подмигнул Семену и достал из кармана фляжку. Но Ракитин хотел лишь спать и потому покачал головой. Пассажир настаивать не стал и сделал глоток. В этот момент в вагон зашла тетка, что переодевалась в туалете. Судя по характерному гэканию, она была откуда-то с юга, и тут же с казацким напором предложила Семену поменяться. Он ехал вниз.

- Да без проблем.

- Ой, спасибочки! А за беспокойство возьмите моих булочек. Напекла в дорогу, утром чай попьете.

Отказываться было неудобно. Предложили ведь от всего сердца. Да и не в его положении не брать свежие ресурсы. Деньги ведь имеют свойство заканчиваться. Сумма в «кирпичике» уже упала до тысячи шестисот. Это, учитывая те сорок пять рублей с мелочью, что взяты с кошелька фарцовщика. Полторы сотни Семен переложил в свой кошелек, а остальные уже утекли.

Проснулся он рано, не было еще шести. Полежал, подумал и встал. Несмотря на рань у туалета уже образовалась очередь. Скоро санитарная зона! Умывшись и взяв чаю у провод-

ницы, Семен устроился на соседней нижней полке. Мужичок, с которым он открывал вечером окно, уже чаёвничал и поделился бутербродом с копченой колбасой.

- Ешь, студентик. Мне все равно не осилить.

- Да у меня еще булочки остались.

- А ты все ешь. Москва сильных любит.

После завтрака нахлынули разные мысли. Ради чего он это затеял? Может, ну его к черту! С его послезнанием можно неплохо устроиться и в этом мире. Написать книги, «вспомнить» популярные песни, стать предсказателем типа Глобы. Пожить по-человечески еще лет... Сколько там осталось Союзу? Восемнадцать. Да и после люди, пусть и не все, жили неплохо. Это ерунда про тотальный дефицит и невозможность сытно жить в этом времени. Устраивались, находили связи, уезжали зарубеж непустыми.

Что еще нужно обывателю?

Семен внезапно разозлился на себя и повернулся к стенке, чтобы никто не увидел выражение на его лице. Обыватель, мещанин! Они и есть главные враги государства. «Где жопа в тепле, там и родина. Не учите жить, а помогите материально!» Разрушительное стремление хапать как можно больше и сломало цельную императиву общества. Не надо врать самим себе. Все в какой-то момент захотели жить, как американцы. Стать богатыми и успешными. Напрочь забыв, что в том мире полно неудачников и нищеты. И кому-то за все это богатство придется умереть.

Ракитин сжал зубы. Сууука! Ненавижу! Ненавижу тех, из-за кого погибли те пацаны. Их обгорелые тела так и остались лежать неприкаянными на улицах чужого города. Без рук, без ног, без головы. Они не раз грузил тела несчастных в «Мотолыгу». Вот хотя бы ради них стоит попробовать. Он сам уже хоть как-то прожил собственную судьбу и должен вмешаться в вероятное будущее этого времени. Ведь ради чего-то его сюда закинули неведомые силы?

Значит, еще не поздно?!

Площадь трех вокзалов выглядела непривычно без серой громады «Московского» универмага. Больше, но не чище. Видимо, такое уж свойство всех привокзальных площадок. Много шума, мусора и таксистов.

- Куда ехать, парень?

Голос был молод, горяч, как и сам таксист. По виду южная кровь. Правда, Семен не особо разбирался в акцентах и нацию не определил. Видимо, бравый горец решил после службы покорить столицу.

«А почему бы и нет?»

Не терпелось поскорей ознакомиться с обстановкой на месте.

- Котельническая набережная.

- Знаем такую. Всего за двадцать рублей довезу!

- Джигит, осетра урежь наполовину.

- Осетра? – задумчиво потеревил малознакомое слово таксист, а затем улыбнулся. – Красиво говоришь! Только за это червонец сбавлю.

- Поехали!

Ракитину отчего-то стало весело, и он несмотря на свое решение зря не тратить средства рискнул шикануть. Хотя мог бы доехать на метро за пятак. Но поездка по улицам будет полезной. Хоть глянет, как выглядит нынешняя Москва в утренние часы. Он сел рядом с водителем и сразу протянул тому червонец.

- Домчу с ветерком, уважаемый

Семен с любопытством наблюдал за улицами столицы, за москвичами, за транспортной обстановкой. В принципе разницы особо не замечалось. Диких пробок, конечно, не было, но движение имелось. Да еще какое! Сотни машин, грузовых, легковых, микроавтобусов, неизвестной конструкции пикапов двигались во всех направлениях. Плюс общественный транспорт, забитый с утра под завязку. Сам процесс трансфера смотрелся несколько хаотичней. Меньше светофоров, круговых развязок, указательных знаков. Народ правилами движения откровенно манкировал, ездил как хотел или умел. Хреново водили в прошлом! Да и сам таксист, как истинный джигит то и дело обгонял, подрезал и бранился на остальных участников движения. То-то Ракитин всегда удивлялся – почему в сытые застойные времена было так много аварий? Машин-то вроде ездило мало!

Москвичи выглядели такими же, как будущем. Суетились, спешили, толпились, толкались. Нет, подобный столице огромный город не создан для жизни. Если вы не любите суету, то вам не сюда. И ведь двадцать первом веке Москва станет еще больше. С пригородами и человекниками все двадцать миллионов. Целая страна с огромными финансами и возможностями! И как всем эти власти тогда и управлялись? Тут без компартии, как связующего звена точно не обойтись. Она же пронизала буквально все структуры общества! Излишняя надежда на КПСС, наверное, и подвела. Вместо силы на поверку оказались дряхлость и неумение.

Затем Семен обратил внимание на архитектуру. Он не был особым любителем столицы, но переехавшие туда знакомые сумели показать ему воочию старые районы Москвы. Как все-таки они за будущие десятилетия изменилась. Исчезло множество старинных утлых домишек, особняков, все вокруг перестроено. Добила дух старой столицы так называемая точечная застройка. Квартиры в центре стоили так дорого, что стало выгодно застраивать элитным жильем буквально каждый метр. А сейчас все эти старые и еще нетронутые кварталы открыты просмотру.

Таксист между тем не переставал болтать. Ракитину его разговорчивость была выгодна. Кто, как не водители такси в курсе всех последних событий и сплетен. Понемногу Семен как бы невзначай начал задавать ему вопросы, получив исчерпывающие ответы. Сам он больше отмалчивался, сказав сразу, что студент и приехал к родственникам. Насчет студента таксист хмыкнул, но лезть в душу не стал. Понятно, обычный студент никогда червонец за такси не отдаст. Да и одежда на Ракитине была пусть и не вызывающе модная, но вполне приличная. Но таксеры разных людей видят и потому их уже ничем не удивишь.

Вышел Степан около знаменитой высотки на Котельнической набережной. Жилье для элиты и в советское время здорово отличалось от квартир для пролетариата. Но это, видимо, закон существования любого государства. Руководящий и управленческий аппарат должен иметь льготы. Иначе, чем он будет отличаться от остальных граждан? После любой революции самые выдающиеся получали преференции. Достаточно вспомнить Наполеона и его подручных. Приручив таким образом номенклатуру к хорошему, власть могла держать её на коротком поводке. За сытную кормушку элита будет ой как цепляться! И как решить непростую дилемму, в мире еще не придумано.

Ракитин шел вдоль набережной, любовался высоткой, идущими по Москве-реке прогулочными теплоходами. Напротив, через реку высилась Сталинка с вычурной крышей. Оригинальные здания пятидесятых годов постройки, старинные особняки, все это великолепие бросалось в глаза. Утренний поток автомобилей на набережной еще не иссяк и можно было понаблюдать за его наполнением разнообразными транспортными средствами. Как ни странно, но преобладали грузовики Узнаваемые «в лицо» ГАЗ 52, а то и 51, вездесущие ЗИЛки, иногда на глаза попадались менее знакомые модели грузовичков. Наверное, из соцстран.

Легковушки чаще всего были представлены Москвичами разных моделей и двадцать первыми Волгами. Ну и куда без «ушастых» и «горбатых»! Но уже то и дело в транспортной толчее мелькали черные «Волги-24». Новые машины поставлялись в первую очередь всевозможным начальникам и долгое время имели репутацию статусных. А вот и показались блестящие «Жигули», мечта многих автомобилистов СССР. Да уже и не одна модель представлена. Москва все-таки зажиточный город! Внезапно вид на движение перекрыл огромный КРАЗ. Тяжеловес тащил на трейлере экскаватор. Где-то поблизости идет очередное строительство. Ну да, дальше просматривался целый лес строительных кранов. Время строек и успеха в социалистическом строительстве.

Ракитин запоздало осознал, что не знает, куда идти дальше. Ему нужна Верхняя Радищевская улица, а он не удосужился купить карту. Проблема решилась быстро, как только Семен увидел дворника. Это в Москве двадцать первого века им скорее всего был бы мигрант, а здесь вполне себе рязанская физиономия. Абориген свой район отлично знал и без обиняков направил его в нужном направлении. Пришлось даже немного протопать обратно.

«Пришелец из будущего» после разговора неожиданно понял, что его все это время напрягало. Кроме таксиста он еще ни разу не увидел нерусские лица. Нет, ко всем народам Ракитин относился ровно, даже к неграм и американцам. Но лишь в том случае, если они не лезли на его территорию и не устанавливали свои порядки. Не раз по этой причине он в прошлом попадал в неприятности. Его даже предупреждали о возможных проблемах знакомые из полиции. Но Семен считал, что если ты переехал в чужую страну, то обязан уважать именно её традиции. И что закон должен быть для всех одинаков. Иначе проблемы будут решать совсем другие люди и совершенно иными методами.

И уважают всегда только тех, кто уважает себя.

Это был район старых домов, зачастую двухэтажных. Отыскав искомое трехэтажное здание и пройдя по проходу внутрь во двор, Ракитин на некоторое время застыл в нерешительности. Но быстро очнулся и начал высматривать удобное место для наблюдения. Скорее всего нужный ему человек уже ушел на службу. Так что есть время. Но сначала хотелось узнать, живет ли он сейчас здесь или память сыграла с ним злую шутку. А очень бы такого не хотелось. На полковника ГРУ Ивана Петровича Мясникова была вся надежда.

Ракитин отступил в тень и нашел глазами узкую скамейку. По многочисленным бычкам и банке он понял, что здесь местная курительная. Резко захотелось присесть, как будто ноги отказали. Да что же это такое! Второй день его гложат воспоминания, которые подсознание уже почти два десятка лет пытается забыть. И как он сумел только не сойти тогда с ума. Обычный двадцатилетний парнишка. Стало душно, он потянулся к сумке и достал бутылку «Нарзана». Чистая вода всегда облегчает муки. Почему он выжил тогда? Один из немногих срочников в их взводе? Зачем он выжил? Этого Семен не знал. Но знал, что без Мясникова точно бы погиб. Полковник тогда многих спас. Просто своим присутствием.

Разведгруппа ГРУ вышла на них под утро. Обматерив друг друга, они все-таки признали разведчиков за своих. Больно уж виртуозно полковник гнул бранные словечки. Что поделаешь – опыт! Оказавшись внутри занятого остатками роты здания, Мясников тут же потребовал к себе старшего. Оба бойца его маленькой разведгруппы были ранены. Рация разбита. А вот сведения до командования донести требовалось срочно.

Хмуро оглядев молоденького старлея, их внезапного ротного, полковник проглотил готовые, было выскочить матерные словечки и вскорости развернул бурную деятельность. Офицер ГРУшник сумел собрать из двух снятых с разбитых БМП раций одну. Они связались с каким-

то не своим непосредственным командованием, некоторое время переругивались и попросили помощь.

В начале дня подполковник грамотно расставил возле окон и проемов бойцов роты, распределил силы, попутно обучая неопытного старшего лейтенанта и постоянно причитая:

- Да что же такое! Афган уже был, а вам ничего не показывают! Когда ж мы начнем не на собственной крови обучаться?

Ракитин навсегда запомнил, как незнакомый полкан разглядывал исподлобья еще целые здания чужого города. Видимо, он предчувствовал будущие разрушения и бесчисленные смерти, стараясь по мере сил уменьшить их число. Разве можно было не доверять после такого этому человеку? Натура бывает цельной или с самого начала, или никогда.

7. На стремнине. 5 июня 1973 года

Так получилось, что расторопный старослужащий в лице Ракитина стал кем-то вроде посыльного при полковнике Мясникове. Со связью, что в советской, что в российской армии всегда было плохо, и потому приходилось много бегать. Да ладно бы просто бегать, частенько передвигаться получалось лишь на четвереньках, да еще под огнем противника, заодно подтаскивая на точки боеприпасы. Подтянув свежие силы, «чехи» начали непрерывно атаковать остатки роты мелкими группами. У них было много РПГ и выстрелов для них, патронов также не жалели, заливая позиции русских войск огненным железом. Спасибо тем, кто оставил на территории ЧИАССР горы оружия на складах. Штурмовиков плотно прикрывали пулеметы и снайпера.

К вечеру половина ребят оказалась ранена. Не менее десятка погибли и были стащены в подвал. Спасли их два АГС, чудом притащенные на позиции. В одной из проскочивших к роте МТ-ЛБ оказией привезли много выстрелов к ним. Семен и легкораненые бойцы еле успевали заряжать ВОгами «улитки». С одного автоматического гранатомета АГС-17 стрелял сам Мясников, со второго здоровый сверхсрочник под руководством раненого ГРУшника.

Оставив около проклятого административного здания кучу трупов, чеченцы отошли зализывать раны. К ночи в городе разгорелись бои. Видимо, российское командование подтягивало новые силы. Кто же знал, что штурм столицы мятежной республики затянется надолго и станет таким кровавым. В итоге от самого города после двух войн мало что останется. Но никто не ведал свое будущее.

Семену стало зябко, несмотря на солнечный день. Он старался забыть пережитый когда-то ужас. Но сейчас эти воспоминания нужны были для новой жизни. Одна из немногих ниточек, связывающих такие разные эпохи, это и есть тот самый полковник Мясников. Ракитин даже не думал, что точь-в-точь запомнит некоторые детали и адрес московского дома ГРУшника. Перенос тела или сознания, видимо, разбудил в нем странные силы.

А рассказал о своей молодости Иван Петрович, уже умирая. Снайперская тяжелая пуля поймала полковника во время перебежки. Семен оттащил офицера в подвал и как смог перевязал. Но жизнь толчками уходила из крепкого тела взрослого мужчины. Внезапно тот пустился в воспоминания. Тогда и рассказал, что после командировки некоторое время служил около дома и даже проживал в квартире у матери. На счет тогдашней учебы упомянул вскользь. Верхняя Радищевская улица четыре квартала восемь. И вот он сейчас здесь. А полковник умер в тысяча девяносто пятом году во время эвакуации прямо на руках молодого солдата.

Наконец, Ракитин решился и двинулся к подъезду, пройдя мимо любопытствующих старушек, сидящих на скамейке. Видимо, прилично одетый молодой человек в шляпе законного любопытства у них не вызвал. Лишь проводили его взглядом и продолжили судачить о том о

сем. Второй этаж, дверь с номером «8». Аккуратно звоним и ждем. Очень может быть, что дома никого нет. Но вот послышались шаги и слабый женский голос.

- Кто там?
- Извините, мне бы Ивана Петровича.
- Так он на работе.
- И когда будет?

Дверь приоткрылась, но осталась на цепочке. Как будто та может от чего-то спасти. Но народ в этом времени непуганый. Послевоенный бандитизм побежден, жизнь улучшается с каждым годом. Ключи спокойно у многих лежат под ковриком, некоторые и вовсе не закрывают двери, когда выбегают во двор. Счастливые времена!

Женщина выглядела плохо. Семен вспомнил, что полковник упоминал, что его мама часто болела. Она, сощурившись, осмотрела гостя и спросила без обиняков:

- А вы, собственно, кто?
- Мы служили вместе. Не смотрите так, просто я молодо выгляжу. Но ведь это пройдет.

Мама Мясникова мягко улыбнулась. А ведь она когда-то была очень красивой.

- К сожалению, Ваня работает допоздна. Может, ему что-то передать?
- Спасибо, не надо. Он служит все там же? Тогда я его сам найду.

Женщина с сомнением посмотрела на Ракитина.

- Попробуйте. Но думаю, сегодня он будет пораньше. Часам к восьми.
- Огромное вам спасибо, - развернулся Ракитин, но на лестнице его догнал вопрос:
- Что ему передать?
- Не надо ничего. Я найду Ивана по своим каналам.

И лишь, когда он был у выхода из подъезда, наверху закрылась дверь.

«Палево! Надо перехватить Петровича раньше мамы!»

Ну, хотя бы стало ясно, что до вечера он свободен. Ракитин надвинул на глаза шляпу и прошел мимо пенсионерок. Эти бабки все примечают и доложат, в случае чего, кому следует. Если и ждать Мясникова, то в более безопасном месте. И нужно срочно поменять имидж! Как он сразу не догадался! Лучше бы таксист его к большому магазину увез. Хреново, этот город семидесятых он знает плохо, 2ГИС еще не придумали. МАПса также нет, а смартфон и вовсе бесполезнее без роя спутников на орбите и мобильного Интернета.

Так, а ведь ему можно вернуться на какой-нибудь вокзал и оставить там сумку с частью денег? Нечего светить ими и провоцировать всяких нехороших личностей. Заодно там и купит карту города. Они обычно на вокзалах и продаются. Только больше никаких такси! Выйдет на набережную и спросит у кого-нибудь, где тут ближайшее метро. Подожди, а чего спрашивать? Он же был как-то неподалеку. Надо идти в сторону Земляного вала. Там и расположен вход в метро Таганская.

Решение принято, осталось выполнять. У него еще куча времени!

Он задумал доехать до Курского вокзала. По пути в голову пришла неожиданная мысль. А ведь неподалеку тот самый театр на Таганке! И Высоцкий еще живой! Черт дери, это же легендарное время тех настоящих, кто пел и играл душой. Ракитин довольно скептически относился к Владимиру Семеновичу как актеру. По его мнению, тот везде играл сам себя. Но песни великого барда обожал. Было в них нечто такое, берущее за душу. Потому и ждали Высоцкого в любой точке страны с нетерпением. Как будто певец разом объяснит им смысл жизни.

И сколько знаменитых людей еще живы и их можно спасти. Внезапно кольнуло в сердце – Шукшин. Вот кого точно стоило спасать! Ради его неснятых фильмов и книг. С уходом вели-

кого писателя и режиссера земля русская заметно оскудела. Мысли внезапно начали скакать взад-вперед. Сколько людей останется в живых после его вмешательства? Да один Афганистан чего стоит! Опять его охватила мерзкое ощущение чего-то холодного и скользкого, что иногда обволакивает душу. Он должен заново пережить катарсис ради будущего. Одно из тяжелейших воспоминаний прошлого даже не сама война.

Их вывели из Чечни с остатками сборного пехотного батальона еще в марте. В феврале соединенные силы десантуры, морской пехоты и «махры» добивали последних боевиков в Грозном. Со всей страны собирали боеспособные части, набирали контрактников, посылали в пекло ОМОН и спецуру. Ракитин же дослуживал оставшиеся до дембеля недели около Ростова-на-Дону. И один раз им приказали помочь в погрузке «цинков» на поезд.

Этим пацанам не повезло вдвойне. Они попали на войну, погибли страшной смертью, да так, что их тела трудно было опознать и вокруг промышленного холодильника, превращенного в огромный морг постоянно находились родственники в ожидании экспертизы. Тяжкое зрелище само по себе. Но больше всего шокировал молоденьких солдатиков вид валяющихся прямо в пыли и грязи женщин, матерей чудом опознанных сыновей. На которых даже нельзя было посмотреть на прощание.

Они все тогда напились вечером. И дежурный офицер не стал их трогать. Да только посмел бы! Опаленные войной солдаты, мальчики с черным взглядом. Даже после дембеля они производили на окружающих странное впечатление. Никому не нужные, забытые страной, которая на всей скорости мчалась к своей гибели. Разве что очередное чудо спасло тогда Россию.

В полной прострации Семен зашел в метро и чуть не запутался в поездах. Видимо, и сейчас он выглядел странно, потому что поймал на себе несколько взглядов. Нет, так нельзя! У него важнейшая миссия, не допустить страшного. Не хватало еще расклеиться! Ведь в скором времени, да уже сейчас начнут рождаться мальчишки, что умрут на улицах того проклятого города. И русские, и чеченцы. Чем они виноваты перед историей? Сжав кулаки, Ракитина нашел нужную платформу и двинулся дальше.

Любой вокзал столицы — это всегда столпотворение. Толкучка, множество незнакомых людей и общая суета напрягали. Но с другой стороны, здесь было просто спрятаться. Если вести себя как все, то и внимание милиции вряд ли привлечешь. Оглядевшись, Семен двинул к ряду камер автоматического хранения. Он помнил эти странные металлические стойки с детства. Осталось понять, как они работают.

Еще в туалете он вынул из сумки необходимую сумму и вещи, решив сумку--планшет с курткой оставить в камере. Ходить и светить гаджетами из двадцать первого века в столице точно не стоило. Но подумав, Семен решил взять с собой смартфон. Надо ведь еще доказать Мясникову его принадлежность будущему. К освободившимся ячейкам стояла очередь, и у Семена было время разобраться в механизме работы камер. Несколько пятнадцатикопеечных монет у него было припасено заранее, а для пароля он, как обычно использовал номер своего Калашникова.

Да, вот так вот! Кто-то для удобства вводил даты рождения детей, а ему в память врезалась серийка боевого оружия. И он её использовал в пинкодах, паролях и настройках. Никогда не забудешь тот боевой инструмент, что отделял тебя от смерти. Положить сумку в ячейку, набрать цифры, закинуть монеты и захлопнуть металлическую дверцу. Все, сутки он свободен. Ракитин глянул на часы, надвинул шляпу и двинулся к выходу.

На улице он первым делом купил в киоске подробную карту Москвы. С линиями общественного транспорта, схемой метро и указателями больших магазинов. Ну а чего тут думать?

В ЦУМ! Там он найдет все. Определив маршрут, Ракитин двинулся к метро, сразу наменяв там кучу пятаков. Решительной походкой молодой человек прошел к турникетам и даже пробежался вниз по ступенькам. Дома в Питере он так давно не делал. Обоснованно считал, что это привычка провинциалов, которые хотят выглядеть коренными. Он же сам двигался сейчас так уверенно, что по пути ему несколько раз задали вопросы приезжие. Гости огромного города зачастую выглядели растерянными и даже испуганными. Еще бы – такой огромный город!

К назначенному сроку Ракитин приобрел удобную спортивную сумку из кожзаменителя, яркую футболку с надписью и дурацкую кепку в сеточку. Вот уж не подумал, что наши начнут выпускать такое подобие бейсболок в начале семидесятых. Хотя ошибся, кепка оказалась польской. В огромном универмаге можно было найти все. Ну, или почти все. Много очередей за «выкинутым» товаром не привлекали посланца из будущего. На его взгляд там зачастую продавали полное барахло. Неизбалованный советский покупатель сметал все импортное без лишних вопросов.

Но раз покупают, значит, есть деньги! Кто-то говорил, что Союз убила избыточная денежная масса. Люди стали больше зарабатывать, а товаров не хватало. При рыночной экономике лишние деньги отсекаются ценами. Но советское правительство пойти на такое не могло или не хотело. Вот эта масса «горячих» денег хлынула на черный рынок, обогащая цеховиков и спекулянтов. В итоге советская торговля за пару десятилетий выстроила эффективную схему создания дефицита. Он был ей выгоден!

Ну кто в двадцать первом веке считает профессию продавца престижной? А здесь посмотрите, какие они за прилавками важные! Блат, связи, продажа из-под полы. А, вообще, существовал ли на самом деле дефицит, или он был придуман? Хороший вопрос. Жаль, что Семен в экономике не очень силен. Хотя на ноутбуке есть несколько лекций от умных людей. Привычка тащить себе в архив все, что птичка в клюве принесёт. Почти весь диск в два терабайта забит всякой всячиной. Вот и пригодилось!

Но задание минимум выполнено. «Человек из будущего» преобразился. Кепка, замшевый пиджачок, яркая футболка, отвлекающая внимание, спортивная сумка, даже прическа другая. В этом огромном магазине нашлась и парикмахерская. Ракитин попросил вежливого толстяка сделать прическу под тридцатые годы и заодно побрить его. Мастер много шутил, но все исполнил в точности, прибрав непослушные вихры странного молодого человека и напоследок надушив его неплохим одеколоном.

Семен вышел на улицу и тут же поймал на себе несколько девичьих взглядов. Он широко улыбнулся, натянул кепку поглубже и надел солнцезащитные очки, как бы отрезая себя от остального мира.

«Первым делом мы испортим самолеты. Ну а девушек? А девушек потом!»

Все-таки неудобно, когда воду продают в стеклянной таре. Не натаскаешься! Ракитин еще раз оглядел место «засады» между трансформаторной будкой и кустами. Отсюда его почти не видно, детвора играет дальше. Бабульки исчезли, сидят по домам. Зато проход с улицы отлично просматривается. Мясникова вряд ли возят на служебной машине. Званием не вышел. Переведут его в Германию уже капитаном. А обычные старлеи добираются домой на общественном транспорте.

И несмотря на готовность, Ракитин все равно чуть не пропустил единственного ему знакомого в этом времени человека. Он, видимо, подспудно ожидал увидеть того в военной форме, но Иван Петрович широко шагал в обычном сером костюме. Черт знает, чем он там, на службе занимается. Внезапное озарение снизошло, когда Семен заметил походку вышедшего и дворового прохода мужчины.

«Это точно он!»

- Иван Петрович! Мясников!

8. Кольцо времен. 5 июня 1973 года

- Петрович, да остановись ты уже!

Мужчина сделал еще два шага вперед, один в сторону и развернулся в готовой «позиции». Профессионализм не пропешь! Мы оба оказались на теневой стороне двора. В девятом часу солнце склонилось далеко вниз и тени удлиннились. Старлей не выглядел испуганным или настороженным. Скорее любопытным. Кто мог его перехватить возле собственного дома?

- Вы кто?

- Неважно. В этом времени вы меня не знаете.

Недолгая пауза разорвалась настороженным вопросом:

- Что значит в этом времени? Прошу вас все-таки назваться.

«Ага. Петрович, пока говорил, сделал несколько малозаметных шага. Теперь он готов кинуться на меня, в случае чего. Хитер, старый лис!» - мелькнуло в голове у Ракитина. Драться с единственным человеком, что может ему помочь, не хотелось.

- Я понимаю, что это звучит дико, но мы вместе воевали. Не в прошлом и не сейчас, а в будущем. – «Боже, звучит как отрывок из «Терминатора!». - Я обычный солдат, а вы офицер ГРУ. Спокойно, не дергайтесь, Иван Петрович. Я не шпион. Вот мои руки. Я не готов в схватке, в отличие от вас.

Мясников скривил уголки губ. Все это можно было списать на бред случайно встреченного постороннего человека, если бы не род его деятельности. Военная разведка ерундой не занимается. А как раз очень серьезными вещами.

- Допустим, я принял ваши сведения. Но почему я?

«А Петрович человек хладнокровный, выжимает из меня информацию, не доводя до горячего».

Ракитин показал ладони и предупредил:

- Думаете, я не знал, что вы мне не поверите. Но, к сожалению, мне больше не к кому здесь обратиться. А про этот адрес рассказали вы сами.

Надо отдать должное выдержке старшего лейтенанта. Стоит в углу двора, разговаривает с каким-то ненормальным, а может, и потенциально опасным типом. Это в будущем фантастика вошла в каждый телевизор. А перенесение во времени после выхода в свет «Терминатора», «Гостя и будущего», «Радиоволны» воспринималось хотя бы понятней. Этот офицер вырос в другое время, его послевоенное детство прошло в хулиганских дворах центра Москвы. И он действовал согласно логике своего мира.

- Это когда это мы успели так тесно познакомиться? Я что-то не припомню.

Ответ Семена ввел старлея на некоторый период в ступор.

- Вы умерли у меня на руках во время эвакуации. Не сейчас, через двадцать два года и в звании полковника.

Ракитин внимательно наблюдал за реакцией Мясникова. Люди по-разному реагируют на рассказы о собственной смерти. Возможной смерти. Все равно даже самые завзятые атеисты где-то в глубине души верят в магические сверхспособности и сказки. А вдруг? Но он не ошибся в выборе, старший лейтенант относительно спокойно выслушал известие о собственной гибели, лишь глаза немного сверкнули в полутьме.

- Интересный у вас рассказ.

- Я понимаю, что вы не обязаны мне верить. Больно уж все чудно выглядит, а я больше смахиваю на психа. Странного психа. Но я Семен Николаевич Ракитин и в самом деле прибыл к вам из двадцать первого века. Не знаю каким путем и зачем. Я еще здесь даже не родился. И я могу доказать, что не из этого времени. Только не дергайтесь, пожалуйста. Я просто достану и включу одну вещичку. И нам лучше поговорить наедине, а не в подворотне.

Мясников кивнул без колебаний:

- Идите вперед вон туда. Там стоит скамейка...

- Для курящих. Я знаю.

Старлей сузил глаза:

- Подготовился, значит.

- Извини, ничего личного. Потом сам поймешь.

Семен включает по пути телефон, дожидается загрузки, запускает нужный клип и отходит в сторону. Мясников с любопытством взирает на странный прибор:

- Что это?

- Смотри сам. Личный коммуникатор. Он же сотовый телефон. Ну что такое сотовая связь, я думаю, ты знаешь. На нем также можно включать музыку, видеоклипы. Ну это кинофильмы по-вашему. Этот клип посвящен штурму города Грозного. Чеченцы в девяностых подняли вооруженный мятеж, началась кровавая война. Ты там и погиб. Извини.

ГРУшник осторожно взял в руки смартфон, покрутил его, а затем залип, глядя на экран. Музыка была лишь фонтом к поистине страшным кадрам. Такое невозможно было придумать! По окончании клипа Семен попросил телефон и включил свежее видео на песню 7Б «Не герой». Срывающийся голос фронтмена, кадры боев из Донбасса, плотный непривычный монтаж. Для человека из прошлого это был самый настоящий ментальный удар. Проняло! «Твою мать война!»

Мясников через пару минут произнес охрипшим голосом:

- Это где такой ужас происходит? Мертвые дети на самом деле сняты?

- И еще не все. И все русские. На русском Донбассе.

По кадыку старлея прошел ком. Ракитин расслабился. И в молодости полкан был настоящим мужиком.

- Что же это...

- Держи водички. Разговор будет долгим. Я даже не знаю, с чего начать, но мне нужна твоя помощь.

Мясников повернулся, и в неверном свете сумерек его лицо выглядело, как стянутая маска.

- Зачем тебе я?

- Ты один из немногих с кем я был знаком в будущем. Большая часть моих друзей еще не родилась. А родственники... Они же ничего обо мне не знают.

В глазах старлея мелькнуло понимание.

- Я вел себя в том страшном будущем достойно?

- Ты спас меня и многих пацанов. Жаль, что ценой собственной жизни. И я страшно хочу, чтобы это будущее никогда не наступило.

- Подожди. На нас напали, нас победили? Почему мятежи, почему мы воюем?

- Эх, старший лейтенант, если бы это было так просто. СССР больше нет, и разрушили мы его сами.

- Чего?! – Мясников застыл на минуту, затем отдал телефон Ракитину и с уверенностью в голосе заявил. – Идем ко мне, там и поговорим.

Мама Ивана Петровича сначала встретила сына причитаниями, мол раньше же хотел вернуться. Затем заметила Семен и замолчала.

- Mam, организуй, пожалуйста, нам ужин и не задавай вопросов. Этой мой товарищ, он останется сегодня у меня.

Мама смерила Ракитина подозрительным взглядом, но ничего не сказала, лишь махнула в сторону кухни.

- Сейчас подогрею, мойте руки, ребята

Планировка старого здания была странная, но удобная. Они прошли в ванную, вода здесь подогревалась газовой колонкой. Иван молча подал Семену полотенце и махнул рукой.

Котлеты с липкими макаронами провалились в утробы мужчин необычайно быстро. Мясников задавал наводящие вопросы и внимательно всматривался в лицо пришельца. Видимо, для себя он еще ничего до конца не решил. Но поморщился, когда Семен упомянул, как обнес фарцовщиков, чтобы получить финансовую подпитку.

- А ты зря так, Иван Петрович. Это же классическая инфильтрация. Да и задание у меня весьма важное – спасти страну.

- Можно просто Иван. А то неудобно как-то, - проворчал Мясников. – Сейчас чай поставлю, а ты коротко расскажи, что там в вашем будущем.

- Хорошо. Ты считаешь, мне удобно в далеком прошлом? Ох... как непросто. Тогда начну, пожалуй, со смерти Леонида Ильича.

До чая ни так и не досидели. Лицо будущего полковника сначала постоянно вытягивалось, мужчина еле сдерживал матерные слова, затем лицо и вовсе окаменело. Ведь молодой офицер давал присягу Советской державе, а умер по приказу алкаша президента. И не за новое капиталистическое государство, чуждое им всем, а за русских пацанов.

Минут черед двадцать Мясников не выдержал и двинулся к холодильнику, достав оттуда бутылку настоящей «Столичной». Ракитин помнил, что это была хорошая и дорогая водка.

- Извини, брат, но на сухую слушать тебя не могу. И черт побери, я тебе верю. Такое попросту не придумать. Но как?!!! - хозяин стукнул по столу кулаком, потом опомнился, глянул на дверь и разлил водку по большим чаркам. Жидкость моментально протекла по пищеводу и взорвалась уже в желудке огненным шаром. – А ты-то как на войну попал? Пацан пацаном.

- Да просто! Отслужил полтора года, потом нас подняли в конце декабря и послали в Моздок. Бои в Грозном уже шли, со всей страны собирали сборную солянку. Ни один офицер в нашем собранном из разных мест батальоне не был из нашей части. Многие отказывались ехать на войну. Уже всю циркулировали слухи о потерях в новогоднем штурме. Везли десятки убитых и сотни раненых, - Семен остановился. – Налей еще. Я же хотел все эти воспоминания навсегда в памяти запереть. Тяжело...

Мясников внимательно посмотрел на гостя из будущего и потянулся за бутылкой. Затем полез в холодильник. Что он мог сказать солдату, в отличие от него уже побывавшему в бою. Будь ты хоть трижды крутой офицер, но настоящая война — это совсем иной колер.

- Пей, братишка, закусывай. Рассказывай.

Семен поведал о захлестнувшей новую Россию терроризме, второй чеченской, долгой и кровопролитной КТО. О всех бедах и горестях, что выпали на долю русского народа. Закончил крымскими событиями и войной на Донбассе. По старой журналисткой привычке Раки-

тин быстро вызнал нужные адреса «закрытых» форумах, имел массу знакомств и потому о подоплеке свершающихся событий знал намного больше обычного обывателя, сидевшего у телевизора и наблюдающего за историей в кривой перископ мутных личностей типа Киселева и Соловьева. Правда, как всегда, для властей оказалась персоной нежелательной.

Закончили, когда уже начало светать. На столе осталась пустая бутылка, горбушка черного хлеба и открытые консервы. И ни в одном глазу. Лишь горечь во рту и сумбур в мыслях.

- Семен, рота, подъем!

- А? - Ракитин разлепил глаза и не сразу понял, куда попал. Положили его спасть на раскладной тахте. Затем память прочистилась, и он хмуро уставился на Петровича. Тот задумчиво держал в руках смартфон, затем, заметив взгляд гостя, прояснил ситуацию:

- Я уж грешным делом подумал, что приснилось все. Вот здесь наверху показывает уровень заряда?

- Да, надо его выключить!

- От сети заряжается?

- 220, но сила тока... Мы используем специальный шнур с разъемом и переходник. А где его здесь взять?

- Проблема, - протянул Мясников. – Но всяко в лаборатории технари разберутся.

- В какой еще лаборатории?

- Ты же не думаешь, что тебя проверять не будут? На слово поверят?

9. Началось! 6 июня 1973 года

Ракитин резко отшатнулся:

- Ты что, меня сдать хочешь? Я же к тебе как к человеку.

Иван напрягся, потер мощный подбородок и проворчал:

- Тоже верно! Пошли чай пить и решать, что делать с тобой. Да не бойсь! Мама в поликлинике. Она мне холку вечером намылит. Я же так-то не пью. Держал бутылку на всякий случай.

- Спасибо! Случаем меня еще не называли!

Мясников уставился на Семена, а затем захохотал:

- Маладца, хвост держишь пистолетом! Марш в ванную!

К чаю прилагалась яичница и бутерброды с ветчиной и сыром. И когда его маман успела сбегать в магазин за свежей булкой и всем остальным? Но это же Москва, здесь колбаса никогда не переводилась. Тем более, в центральном районе столицы.

- У тебя есть, что еще из твоего времени?

Ракитин был готов к подобному разговору, и потому продумывал свою речь все заранее. Это вчера вечером все вышло несколько сумбурно, но зато душевно. Мясников поверил ему безоговорочно, «внутренним духом».

- Документы, деньги и самое главное - портативное ЭВМ.

- Что портативное? – оторвался от тарелки старлей.

- ЭВМ. У нас её называют давно компьютером, такой небольшой - ноутбуком. Ты же не думал, что научно-технический прогресс стоит на месте?

- Точно! – хлопнул себя по лбу Иван. – Наверное, уже Луну освоили, на Марс полетели. Слушай, а ты сам в космосе был?

Это же было бы смешно, если не так грустно. Наивная вера советского человека в разум и науку. На миг Семену стало горько. На что потратило свои возможности в будущем человечество? Затем он вспомнил зачем здесь и решил задать вопрос в лоб:

- Никуда мы не полетели. Кончился космос. Ты лучше скажи, как со мной решать будем? Не вечно же мне куковать в твоей квартире? Нужно переговорить с кем-то из вашего начальства. Но только с тем, кто сам может что-то решить и выйти на высшее руководство Союза. Генерала Ивашутина или его заместителей. Ты, видимо, плохо представляешь, какие важные вести я вам принес. Мы можем с тобой поменять судьбу человечества. Кто его знает, почему меня сюда забросило. Похоже, что там я умер, и проведению сподобилось дать мне второй шанс. Может, у нас там впереди мировая ядерная война? Мир ни хрена не стал лучше после распада СССР и окончания «Холодной войны». И спасти его там некому. Союза больше нет, стучать по трибуну ООН никто не будет. Ты даже не представляешь, каковые утырки у власти самых важных стран Земли.

Мясников нахмурился. Его только жестко приложило о стену знанием послезнания, и ГРУшник проникся.

- Сразу скажу - сделать это сложно. Да не смотри так. Просто у меня своя военная специфика. Мы тут в Москве на курсах переподготовки. Но если ты утверждаешь, что меня потом в Германию пошлют, то готовимся не зря.

- Уже не пошлют.

Иван некоторое время смотрел на ухмыляющегося Семена, а потом сам заулыбался:

- Вот нравишься ты мне, Сеня! Не унываешь, все у тебя с огоньком. Надо же, додумался, кого обломать. Спекулянтов. И ведь никакая милиция искать не будет. И с переодеванием грамотно поступил, со следа сбил. Слушай давай к нам в разведку!

- Чай наливай, птица-говорун. Идеи какие-нибудь появились? В КГБ категорически нельзя, не верю я им. Да и конторой она стала громоздкой и неповоротливой. Я же тебе вчера не сказал, но второе управление, так у них вроде контрразведка называется, прошляпила в семидесятые кучу предателей. Или у самих их выросло целое поколение. Да и с Генсекком...

- Что с Ильичом? – тут же подался с серьезным видом Мясников. Спецслужбы бдела. Да и то сказать – глава сверхдержавы.

- Точно не знаю, но ходили слухи, что Ильича в скором времени начнут пичкать какими-то препаратами. Вот был бодрый человек, а потом раз и шамкающая губами развалина. Он, конечно, гарант стабильности, но скатываться в застойное болото нам категорически противопоказано. Историки считают, что СССР в эти годы на взлете. Остановимся, потеряем темп и все. Уже не догонишь поезд истории.

Иван налил чай и задумался:

- А вот с Леонидом Ильичом ты правильно указал. На это тут же клюнут. Но надо идти в Цэка. Только к кому?

- Если бы я знал! У меня даже здешнего списка Политбюро нет. Купил я тут ваших газет. Как можно такое в свет выпускать? Восемьдесят процентов воды!

- А ты умеешь лучше?

- Забыл, что я несколько лет отдал журналистике? Самой горячей её части. Писал криминальные хроники, вел расследования, гонялся за настоящими мафиози. Это тебе не про передовиков и комбайнеров писать.

- Сам черт не брат? Чего тогда ушел?

- На меня совершили покушение. Сына подранили. В итоге семью потерял.

Мясников некоторое время ошарашенно смотрел на Ракитина, затем нервно начал мять подбородок:

- Извини, твой молодежавый вид сбивает с толку. Чистый студент! Сколько тебе на самом деле?

- Да уже под пятьдесят будет. Было, то есть...

- Этот момент надо будет обязательно учитывать. Отношение к тебе не сразу сложится. Я к телефону, жди здесь!

Через пять минут в проеме двери показался возбужденный хозяин квартиры.

- Одевайся, скоро машина будет!

Нищему собраться, лишь подпоясаться! Надев ботинки из «будущего» и подхватив спортивную сумку, Ракитин вышел из квартиры. Но все равно во двор он выходил с некоторой опаской. Нет, Семен после ночного разговора больше доверял такому искреннему человеку, как Иван Петрович. Ведь в ту разведку он мог бы не идти. Не его уровень, просто оказалось некому. Ситуация в городе складывалась аховая, и её срочно требовалось переломить. Да и от остатков их сборного батальона полковник мог уйти со спокойным сердцем. Не его это было дело. Но ведь остался! И погиб, как настоящий советский офицер. Исчезающее племя уже и в этом времени.

Но одно дело – разговор глаза в глаза, другое, когда к личному отношению присоединяется служба. Ракитин отлично отдавал себе отчет, что в случае приказа сверху старший лейтенант не пойдет против воли начальства. В этом и была основная проблема инфильтрации. Совершенно не хотелось оказаться «неведомой зверушкой» и сидеть всю оставшуюся жизнь взаперти. Семен отчего-то был уверен в том, что, оставаясь на воле, сделает для страны и людей намного больше. Перед его взором прошла история его несчастной Родины. Ни один вроде бы нужный и полезный запрет не послужил её пользе. Обычного человека как раз всегда тянет к запретному. Ибо еще в писании сказано – «Запретный плод сладок!»

Поэтому излишняя секретность и таинственность точно не пойдет на пользу. Но людей для посвящения в тайну надо выбирать тщательно. Пусть его хоть запытают, но он ничего не скажет тому, кому не доверяет. И Семен заявил про это Ивану сразу. Тот прокачал в уме выраженное прищельцем, потом нехотя согласился. С его чисто военной точкой зрения в хитро-сплетениях политики будущего было сложно разобраться.

Мясников махнул рукой, во двор въезжала сверкающая на солнце буйным окрасом бордовая двадцать первая «Волга». Ого, Семен не мог представить эту олдовскую модель в подобном ярком цвете.

- Кто это? - кивнул он на водителя.

- Мой друг. Значит, и твой тоже. Мне же тебя охранять, пока все не разъяснится.

- И как ты меня ему представишь?

- Как новое учебное задание. Мы же на учебе!

- Не понял.

- После обеда узнаешь. Тогда все и решится.

- Добрый день!

- И вам по тому же месту. Садитесь.

Ракитин уселся сзади, с переднего сиденья к нему повернулся загорелый крепыш в тесной рубашке. Казалось, что под тканью переливаются мускулы, настолько он был мощным в отличие от сухощавого Мясникова.

- Рашид.

- Семен.

- Куда едем Семен?

Тон вопроса звучал серьезно, каким и выглядел этот темноволосый человек с ухватками ухореза.

- Курский вокзал.

- Умно! – Иван захлопнул дверцу. – Приехал ведь на Ленинградский?

- Да.

Ракитин с интересом наблюдал за манипуляциями водителя. Мда, таким пепелацем управлять сложнее, чем его «Мицубиси» с кучей электроники и автоматической коробкой. Они неспешно выехали на улицу и свернули направо. Рашид не задавал лишних вопросов и все больше нравился Семену. Иван также расслабился, открыл окно, в автомобиль ворвался поток свежего воздуха. «Пришельца из будущего» немного отпустило.

«Неужели удалось?»

В здание вокзала они пошли втроем. Рашид держался позади, контролируя обстановку, а Мясников положил в карман поближе свое удостоверение. Не хотелось глупых осложнений на ровном месте. В жизни всякое случается, а внимание органов для них в настоящей ситуации совсем лишнее. Но повезло, выемка прошла совершенно буднично. Семен, не торопясь, забрал сумку, накинув на нее купленную уже здесь курточку. В таком же порядке они вышли к машине, и Рашид резко рванул с места, напугав какого-то припарковавшегося таксиста.

- Куда дальше?

- На квартиру. Нет, она не конспиративная, - усмехнулся Иван. – Это не наш уровень. Знакомый один уехал в дальнюю командировку, я приглядываю. Меня-то соседка знает, а тебя нет. Так что успокоим старушку. Пока там поживешь. Деньги есть? Ах да...

- Я смогу выходить куда-нибудь?

- А как же! Мы в няньки не нанимались. Но недалеко и по делу, и после обеда будь дома. Мы на службу и обратно. И подготовку свой... как там его?

- Ноут.

- Ага. Надеюсь, что со мной серьезный человек приедет.

- Заметано!

Все было продумано, как настоящая тайная операция. Не зря их там все-таки в ГРУ разным премудростям обучают. Силовое прикрытие, «Лёжка», «легенда». Ехать было недалеко. Этот четырёхэтажный старый дом много чего в жизни повидал, но еще не выглядел полной рухлядью. За ним следили, все трещины были заштукатурены и замазаны краской. Дорожки тщательно подметены, зелень полита, кусты подстрижены. Образцовый двор Советской столицы!

10. Важная беседа. 6 июня 1973 года

Группа молодых людей без проблем просочилась в подъезд мимо неизменно присутствующих на скамеечке бабулек. С одной из них живо поздоровался Мясников и объяснил ситуацию. Все, можно выдохнуть и не беспокоиться. Кому надо, уже знает в пределах доступного. Остальным будет объяснено. Служба слежения за объектом выполнила свою работу! Квартира оказалась полупустой. Её хозяин и на самом деле частенько отсутствовал дома. Семен заметил на стене несколько фотографий с бородатым крепышом. Камчатка, вулканы, затем какие-то заснеженные горы. Понятно, с такой профессией обычно не сидят дома. Но на кухне все было в порядке. Имелся чай, кофе и даже макароны.

Иван включил в розетку телефон и начал куда-то звонить. Ракитин прошел на кухню, где Рашид уже заваривал чай.

- За свежими булочками уж ты сам сходи. У Гены всегда хоть шаром покати, даже когда он дома.

Семен присел на табурет и с благодарностью принял чашку чая. В горле отчего-то пересохло. Второй день всего в Союзе образца семьдесят третьего года, а уже столько всего произошло. И сколько всего впереди!

Ум взрослого человека время от времени протестовал против его малообдуманных действий, но полученное судьбой тело двадцатилетнего парня своей неуёмной энергией толкало его дальше. И временами между ними разыгрывалась дисгармония. Надо передохнуть и выпить чая.

- Где моя кружка? – Иван буквально ворвался на кухню. – Так, народ. Свежие вводные. Рашид, ты едешь на службу, но довозишь меня до Академии.

- Неужели сам Стаханов?

- Он самый. И это даже еще лучше.

Темноволосый крепыш внимательно глянул на своего сослуживца:

- С Семеном связано что-то серьезное?

- Извини, Рашид, но сказать всего пока не могу.

- Тогда, может, его охранять надо?

Мясников бросил взгляд на «пришельца» и покачал головой:

- Если и охранять, то от него самого. Ничего не случится, надеюсь.

Ракитин не выдержал:

- Тогда, чтобы не думать, лишнего, проводите меня до ближайшей булочной. В самом деле, как-то неудобно на чужих харчах сидеть.

- Добре! Раш, пошли!

Семен еще раз удивился грации здоровяка. При его сто килограммах мышц, тот мог передвигаться легко и почти бесшумно. На выходе молодые люди «провели разведку», то есть спросили бабулек насчет магазинов и получили массу советов и полезной информации. Зато сейчас знали, куда можно пройти напрямик, и где самые свежие булочки или колбаса.

Ракитин с интересом разглядывал витрины небольшого магазинчика формата «по соседству». В принципе стандартный набор продуктов за эти десятилетия не изменился. Булки белого, черняшка, Бородинский, булочки с маком, крендельки, всяческие сушки, печенюшки. Семен не любил огромные супермаркеты. Видимое обилие товара в них было мнимое. Процентом восемьдесят всяческого мусора в красивой упаковке. Даром ненужного твоему организму. Искусственно созданная конкуренция, из-за которой некоторые производители с перепугу завышали цены и считали свой товар «Элитным».

ЗОШ продукты, сто сортов печенья с содержимым, которого лучше не есть. Транс-жиры, химические красители, препараты для длительного хранения. Все это не делало пищу лучше и полезней для рядового покупателя. А красивая коробочка и громкое название отнюдь не делает сам продукт вкуснее. Обман и навязчивый маркетинг – вот что на самом деле современная торговля. И зачастую наполнение полок в них мнимое. Убери весь этот вредный хлам и копипаст производителей, и вместо гигамаркета останется обычный продуктовый гастроном советского формата.

Что на самом деле необходимо рядовому покупателю? Хлебобулочные изделия. И не те из ваты, что частенько представлены в будущей торговле. А настоящие, с поджаренной корочкой и внятным содержимым. Молочные продукты, сыры, мясо, птицы и рыба. Обеспечь данным продуктом и про колбасу забудут! Еще овощи и фрукты. С этим в советской торговле были проблемы. Страна огромная, как и логистика. Потери урожая аховые от условий хранения и перевозки. Но все решаемо. И главное – продукт еще натуральный!

Хотя в кое в чем социалистической торговле у будущего стоило поучиться. Правильно расставить товар, заинтересовать им. Но спрос все равно превышал предложение и рекламой частенько манкировали. Это вам не злобный и жадный капитализм. Мы не будем эксплуатировать трудящихся, а дадим им волю в создании искусственного дефицита и повышенного внимания к себе! Во всяком случае эти продавцы загнанными и недовольными не выглядели. Они горды своей профессией и возможностями, что она им предоставляет.

При помощи товарищей удалось разом отстоять очереди в три отдела – Хлебный, Молочный и Бакалею. Затем отдать деньги кассиру и полученные чеки продавцам. Система сложная, но проверенная годами. Иначе при нынешнем уровне техники было нельзя. По итогу всех телодвижений Ракитину была передана авоська с продуктами. Это уже пронырливый Иван постарался, всегда носил с собой невероятно удобную раскладную сумку.

В ней лежали несколько булочек, половинка черняшки, куски сливочного масла, голландского сыра, килограмм сосисок, упаковка сахара-рафинада, молоко в треугольных пакетах, и несколько баночек консервов. Парни странно посмотрели на Семена, когда он заказал их. Это они не знают настоящую цену морепродуктам. Сардинка иваси жирная в желе, гуляш из кальмара с трепангом, тунец, шупальца кальмара. И все это изобилие спокойно себе пылилось на прилавке и стоило сущие копейки.

Зажрались вы, товарищи москвичи в прошлом. Ведь содержимое баночек было намного полезней любимой ими колбасы!

Уже в квартире, когда новые товарищи свалили по делам, Ракитин соорудил себе основательный перекус. То ли нервы в этом виноваты, то ли просто молодое тело требовало дополнительных калорий. Но жрать хотелось постоянно. Чай был свежий, да и к тому же хороший, так что заново заваривать его он не стал, просто вскипятив чайник. Семен в поисках посуды нашел в шкафчике жестяные коробочки. В одной и был чай. На запах явно не грузинский. Да и аромат от кофе также хороший. Хозяин явно знал толк в напитках и, судя по всему, имел доступ к дефициту, а может, и за границу ездил. Геологи ведь везде бывают.

Ракитин не удержался и открыл экзотический гуляш с кальмаром и трепангом. В детстве Сеня жил в приморском Мурманске, так что рыбу и морепродукты любил в любом количестве, не раз удивляя товарищей и семью. Соорудив основательный бутерброд из половинки булки и сыра с маслом, он неспешно пил чай и раздумывал о том, как выгодней всего устроить презентацию «Будущего, которое жестоко». Кстати, неплохо бы к ней присобачить эту наивную песенку. Сколько ему было, когда вышел этот чудесный фильм? Лет десять. Как тогда еще верилось в прекрасное далеко?

Семен не знал о какой «Академии» идет речь, но придет точно человек умный и любопытный. Начнет задавать кучу каверзных вопросов, выворачивая логику наизнанку. Это на Ивана можно было давить эмоционально. А люди с большими звездочками в сказки не верят. Им подавай на блюдечке яблочко наливное и факты. Гражданин, представьте, пожалуйста, справочку из вашего ЖЭК а в будущем, что вы это вы и проживали по такому-то адресу в 2021 году. Ах нет, тогда и разговора не будет.

Хотя, как тут не поверишь, увидев чудо техники из будущего. Это весомый аргумент!

Следующие два часа ушли на подготовку. Блокнот с карандашом Ракитин купил на вокзале. Он помнил, что в этом времени еще царствуют авторучки, а связываться с чернилами ему не хотелось. Не имел опыта в данной процедуре. Есть ли в природе привычные шариковые ручки, он не знал. Все-таки времена его Союза прошли гораздо позже. В школу пошел в восемьдесят втором. А это совсем иные стандарты. Да и закончил он её уже в «новой» России.

Они даже в последний год учебы не получали оценок по истории. Так активно её переписывали. А бедная историчка не могла спрятаться от вопросов ехидных старшеклассников.

«Где вы были с 19 по 21 августа 1991 года?»

Список презентации подготовлен, и Ракитин с осторожностью включил сначала смартфон, а затем ноутбук. Телефон показывал 53 процента заряда. Значит, покамест хватит. Показать пару все тех же клипов, а также принцип устройства аппарата. Ноутбук был заряжен почти под завязку. Старая журналистская привычка, иметь технику под рукой максимально готовой к работе. Семена всегда бесили дурацкие отмазки домашних девочек и мальчиков на их кафедре. То не готово, это забыто! Аспиранты, а вели себя как малые дети. Тенденция последних лет – оставаться в детстве лет до тридцати. Вроде бы и неплохо, что ощущаешь себя долгое время молодым и задорным. Но ведь эти хипстерские «дети» требуют к своим личностям отношения как к настоящим взрослым. Вот и возникает диссонанс.

Но в данный момент Семену было все равно, он в другой эпохе и это здорово нервировало. Он быстро накидал в папку имеющийся на жестком диске материал, а его, как ни странно, нашлось немало. Подготовил видео, фотографии и статьи. Создал слайдшоу. Эх, их бы еще напечатать, чтобы не пропали втуне! Но имеются ли в этом времени принтеры вообще? Точно! Можно с экрана все сфотографировать. Даже кино переснять вполне качественно. Но сначала придумать что-то с питанием. К ноутбуку шнур как раз в сумке был, но какая в СССР сеть, он не помнил. Хотя можно отдать эту проблему специалистам. Они наверняка в такой важной конторе имеются. Об этом Семен тут же сделал запись в блокнот.

«Все, можно выключать!»

Затем наступил резкий отходняк. Зачем он это затеял? К чему такая рискованная операция приведет? Ракитин начал нервно ходить по коридору. Затем задержал свой взгляд на сумке. Да к черту все! Денег хватит надолго, если жить скромно. Надо рвать когти! Пока они опомнятся, он уже уедет из столицы любым поездом. Север, Сибирь, Средняя Азия. В СССР много мест, где можно спрятаться. А там и забудут. Ведь что есть у Мясников по факту кроме его слов? Не будешь же искать призрака по всей стране? Да и контора заточена на иное.

Затем через некоторое время можно попробовать натурализоваться. А там жить для себя, зная будущее. Уйти на Запад также не проблема. Устройся моряком или на тралфлот и сойди в любой чужом порту. Иди в полицию и делай там заявление, что хочешь остаться в «свободном мире» по политическим причинам. Еще и помогут устроиться. Его английский неплох, он найдет себе работу. Может, станет путешествовать. В эту эпоху большая часть стран еще не погрязла в глобализме и сохранила аутентичность. Лет через тридцать все это исчезнет. Да ведь можно сыграть на бирже или купить немного акций Ай Би Эм на пенсию.

Или устроиться в Союзе на сладкую должность. Стать цеховиком, спекулянтом, в конце концов. А на исходе восьмидесятых сделать на ерунде состояние и свалить за бугор. Ты еще не будешь старым. Вилла, море, девочки, праздная жизнь. Так поступили тогда многие. А ты чем лучше, Сеня?

Родина там – где жопа в тепле.

Соблазн был так велик, что он уже взял сумку в руки. Вот она толстая пачка денег! Сиреневые и красные бумажки. А ведь он может запросто подломить спекулянтских бакланов и здесь в Москве. В итоге переживаний новый Семен пересилил прожженного циника Ракитина старого. Не жили, нечего и начинать! Зато в этом времени его судьба будет намного интересней. Так что не скули и заткнись! Мы начинаем большую игру, где ставкой запросто может оказаться собственная жизнь. Так и на кону судьба человечества. Или это для тебя ничего не значит? Хватит хныкать, солдат!

Внутренние переживания обессилили, да и ночью толком не выспался. Он нашел в гостиной диванчик и улегся на него. Даже не заметил, как сморил. Перенасыщенным работой мозгам требовался отдых. Разбудил пришельца из будущего трезвонящий в прихожей звонок. Настырный, он никак не давал покоя.

Пришлось идти к двери. Спустя некоторое время Семен понял, что это звонит телефон и осторожно поднял трубку. Он помнил, что Мясников упоминал о том, что прежде тем, как заедет, он обязательно позвонит. Видимо, у них имеется некий протокол для различных действий.

11. Предварительный обзор. 6 июня 1973 года

- Семен, ты чего так долго трубку не брал? – раздался обеспокоенный голос Мясникова.
- Задремал, извини.
- Понял. Десятиминутная готовность! Откроем сами.
- Принял.
- Отбой связи.

Ракитин закончил полувоенный обмен фразами и положил трубку, затем двинулся к ванне. Встряхнуться, ополоснуться и поставить чайник! После он притащил в гостиную чайный сервис, купленный с утра сахар и сушки. На очищенной части широкой столешницы уже стояли наготове ноутбук и смартфон, а рядом были выставлены Российский паспорт, водительские права, СНИЛС и деньги из двадцать первого века. Не только банкноты и монеты РФ, но и несколько евро и турецкие лиры. Все, что случайно оказалось в его бумажнике на момент переноса в иную действительность. Черт, из шмоток разве что ботинки, да трусы остались. Ветровка бы сейчас в качестве доказухи пригодилась. Но что поделать, не подумал!

Эдакий подгон из будущего КНР.

Ракитин поджидал делегацию в гостиной, нервно стуча костяшками пальцев по столешнице. Затем решил, что это неправильно и начал сызнова перелистывать блокнот, делая пометки. Наконец, послышались звуки шагов, тихонько отворилась входная дверь. Они специально её с утра смазали и подготовили места для «меток». Привычки у контрразведчиков оказались специфические. Затем в комнату вошли трое. Иван, Рашид и высокий седовласый мужчина в обычном гражданском костюме, но с явной военной выправкой.

Вперед вышел Мясников, и волнуясь начал объяснять:

- Прошу пока ничего не говорить. Лучше раз увидеть. В это сложно поверить, но иногда приходится смириться с тем, что выше нас. Прошу любить и жаловать - Семен Ракитин. Прибыл позавчера к нам из будущего. Конкретно из апреля две тысячи двадцать первого года. Вот как-то так, товарищи. У него уйма информации, очень серьезной информации о нашем будущем. Но лучше он сам все расскажет и ... покажет. Вы как раз можете видеть на столе технику из будущего.

Мужчина повел головой, как будто ему мешала тесная рубашка, затем коротко бросил:

- Говоришь новое задание, Иван?

- Извините, так получилось. Потом сами поймете.

- Хорошо, - мужчина смело шагнул к Семену и подал руку. – Полковник Стаханов, военная академия Советской Армии, факультет разведки. Показывайте.

Рука у офицера была крепкой, глаза также не выказывали никаких эмоций. Это хорошо. Лишних нервов нам тут не надо. Семен уже заметил перекосившееся лицо Рашида. Мясников стоял спокойно, что обнадеживало.

Ракитин показал на бумаги и монеты:

- Это мои документы. Можете их рассмотреть внимательно. Вот это паспорт гражданина Российской Федерации. Выдан два года назад на сорок пять лет.

- Выглядите моложе, - заметил Стаханов с хорошо скрытой улыбкой, мелькнувшей лишь в уголке глаз, и взял в руки паспорт. – Феткулин и Мясников, вы тоже столбом не стойте.

Минут десять они внимательно рассматривали документы и деньги, щупали их, даже мяли. Наконец, полковник спросил, как будто находясь на экзамене:

- Иван Петрович, что вы об этом думаете?

- Качество выше похвал. Я даже не припомню такого уровня полиграфии у наших вероятных противников. А деньги... ничего подобного раньше не видел.

- Рашид?

- Купюры защищены так, что даже не представляю, как их можно подделать.

Стаханов задумчиво кивнул и показал на лежащие кружки металла:

- А это что за монеты?

- Вот Евро, это валюта объединенной Европы. Практически все страны Западной и часть Восточной Европы перешли на общие деньги. Здесь турецкие лиры.

- Они у тебя откуда? – вскинул брови Мясников.

- Отдыхали там семьей. В Турцию ездить дешевле, чем на нашем побережье.

Иван лишь покачал головой и посмотрел на преподавателя. Тот тут же напомнил:

- Мне говорили о каком-то чуде телефоне?

- Сейчас, - Семен включил смартфон и нашел необходимый файл. Он не стал умничать и показал ГРУшникам те же клипы. Если Стаханов своих мыслей не выдавал, то на лице Рашида пробежала уйма эмоций во время комментариев от человека из будущего.

- Союз, говорите, распался? Почему?

Ракитин вздохнул:

- Если бы я знал точно! Не забывайте, что мне в тот момент было лишь шестнадцать лет.

И меньше всего мое поколение интересовала политика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.